

АНДРЕЙ
ВОРОНИН

СЛЕПОЙ

ПРИКАЗАНО ВЫЖИТЬ

Слепой

Андрей Воронин

Слепой. Приказано выжить

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)
ББК 84(4Бей=Рус)

Воронин А. Н.

Слепой. Приказано выжить / А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ»,
2014 — (Слепой)

ISBN 978-5-17-083845-5

Преступная группа, похищающая дорогостоящие авто, в качестве очередной жертвы выбирают иномарку, принадлежащую... Глебу Сиверу. Такой выбор заканчивается для бандитов весьма плачевно. Однако не это волнует сейчас спеца Слепого. Он занят особым делом – проверяет достоверность информации о наличии в стране теневого правительства. Ведь если «кукловоды» реально существуют и действуют, то их планы не сулят ничего хорошего будущему России.

УДК 821.161.1(476)

ББК 84(4Бей=Рус)

ISBN 978-5-17-083845-5

© Воронин А. Н., 2014

© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Воронин
Слепой. Приказано выжить

© Оформление, обложка, иллюстрации. ООО «Харвест», 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1

Началось все, как обычно, с того, что в шашлычной толстого Мустафы, что на рынке, Клюва разыскал Шамиль. В Ростове было уже по-настоящему тепло, и Шамиль щеголял в бело-снежной футболке, на фоне которой его смуглая кожа выглядела еще темнее, делая своего хозяина похожим на уроженца Северной Африки.

Наружность у Шамиля была несерьезная – метр с кепкой, пятьдесят килограммов живого веса, шапка непослушных иссиня-черных волос, истинно кавказский нос, будто украденный нынешним владельцем у кого-то, вдвое превосходящего его габаритами, и густая колючая щетина, покрывающая впалые щеки, и острый, выдающийся вперед, как форштевень эскадренного миноносца, подбородок. Одевался Шамиль там же, где проводил львиную долю своего времени, то есть прямо тут, на рынке, из-за своей суетливой манеры двигаться и беспорядочно жестикулировать во время разговора носил кличку Дерганый и с виду, да и по сути, был шпана шпаной, так что вышедшие за покупками домохозяйки, едва завидев его, мертвой хваткой вцеплялись в свои сумки и кошельки.

При этом Дерганый Шамиль, как и незнакомый ему Андрей Родионович Пермяков, крайне редко открывал рот для того, чтобы поболтать о пустяках. Он всегда имел на примете какое-нибудь дельце, и, беседуя с ним, следовало постоянно оставаться начеку, чтобы не пропустить выгодное предложение или, наоборот, не прохлопать момент, когда этот выжигач начнет тебя облапошивать.

В данном конкретном случае причина появления Дерганого за столиком Клюва была вполне стандартная, что неудивительно: Шамиль являлся признанным авторитетом в своей области, а Клюв – в своей. И, коль скоро речь шла не о приобретении по сходной цене новенького, в упаковке и со всеми документами суперсовременного мобильного телефона (разумеется, либо краденого, либо просто неисправного) или выигрышного лотерейного билета (несомненно, поддельного), то догадаться о цели визита было немудрено. Клюв догадался и не ошибся: Дерганый явился с очередным заказом. Кому-то из его земляков опять понадобилась хорошая машина, чтобы пускать пыль в глаза односельчанам и гробить подвеску, гоняясь за баранами по малоезжим горным проселкам, и Клюв был тем человеком, который мог, не задавая лишних вопросов, удовлетворить это скромное желание.

На этот раз землякам понадобилась «БМВ» седьмой серии – новая, не старше двух лет, в состоянии, близком к идеальному, с кожаным салоном и полным электронным фаршем, непременно черного цвета, без особых примет и, разумеется, с бензиновым двигателем: как говорится, если нет денег на бензин, зачем тебе машина? Документы, товарные чеки, а следовательно, и происхождение автомобиля заказчика, как обычно, не интересовали: ему были нужны хорошие недорогие колеса, а выправить для паленой тачки чистенькую родословную там, в горах, испокон веков было проще простого.

Проверить это дельце можно было и дома, в Ростове, но это было бы то же самое, что выйти на центральную площадь и громко, на весь город, прокричать: «Привет, неприятности! Это я, Клюв! Если понадоблюсь, вы знаете, где меня искать!» По всему выходило, что Клюву и его бригаде предстоит очередная, далеко не первая и, даст Бог, не последняя, командировка в столицу Российской Федерации, город-герой Москву – этот неиссякаемый источник легкой наживы для всякого, кому не лень наклониться и подобрать то, что валяется прямо под ногами.

Конечно, неприятности можно найти и там, тем более что новенькая баварская «семерка» – далеко не то же самое, что «жигули» аналогичной модели, и тот, у кого хватило денег на эту ракету с колесами, вовсе не обязательно безответный лох, которому после угона останется уповать только на ментов да страховую компанию. Но Клюв тоже нашел себя не на

помойке; он жил на свете не первый день и до сих пор оставался на свободе исключительно потому, что никогда не действовал наобум.

Вся надежда – опять же, как всегда, – была на закадычного друга детства Пашку Самарина, по прозвищу Паштет, он же Самара, после службы в армии сумевшего зацепиться в Москве и за пять лет дослужившегося аж до старшего сержанта ГИБДД.

Пройдя суровую школу выживания сначала на улицах родного города, а потом в армии, Паштет Самара смотрел на жизнь под правильным углом, свое высокое звание воспринимал как надо, носа перед старыми друзьями не задирали и, когда те нуждались в его посильном содействии, охотно (и, разумеется, не безвозмездно) таковое оказывал.

Схема была наработанная и отличалась простотой, которая, как известно, свойственна всему гениальному. Собрав нехитрые пожитки и назанимав денег у знакомых (давали охотно, потому что долги свои он всегда возвращал с лихвой), Клюв прибыл в столицу, разыскал Самару и при личной встрече объяснил, что именно требуется на этот раз. Самара провел несложные изыскания в полицейской базе данных и уже на следующий день передал Клюву бумажку с домашним адресом и установочными данными владельца подходящего под описание транспортного средства. Паштет, как обычно, не подкачал. Машина была что надо, и владелец ее полностью удовлетворял требованиям, предъявляемым грабителем к потенциальной жертве. Мелкий государственный служащий средних лет, он имел проблемы со зрением, из-за которых его даже в разгар полузабытой афганской бойни не взяли в армию; он был никто – собственник стандартной «двушки» в спальном районе, без криминальной биографии и полезных связей – стопроцентный лох, прирожденный терпило, червивый орешек, который Клюв рассчитывал расколоть одним щелчком.

Не без труда отыскав свободное местечко на дворовой стоянке по указанному Самарой адресу, Клюв припарковал свою «десятку» и приступил к наблюдению. Вызванная по телефону бригада была уже в пути – могучий Хомяк, однажды на спор в одиночку перевернувший вверх колесами старый «уазик», и шустрый, пронырливый Змей, способный умыкнуть барсетку или подрезать лопатник хоть у самого начальника московской полиции. Клюв, Хомяк и Змей снова вышли на тропу войны – три танкиста, три веселых друга, готовых составить экипаж любой приглянувшейся им машины.

Приглядывая за подъездом, в котором обитал клиент, и за его припаркованной в соседнем ряду тачкой, Клюв по ходу дела разрабатывал черновой план предстоящих действий. Завладеть чужой машиной можно по-разному; способов, если разобраться, не так уж много, и каждый имеет свои недостатки.

Взять, например, банальный угон. Угнать какую-нибудь дряхлую «шестерку» или «москвич» раз плюнуть, но кому нужен этот металлолом? А что до современных иномарок, так в них понатыкано столько всевозможной противоугонной электроники и систем обнаружения, что угон превращается в тонкое искусство, требующее немалых инженерных познаний и солидных материальных затрат на инструменты и оборудование, каких не купишь в магазине бытовой электроники или хозяйственном супермаркете. Дернув такую тачку, как та, за которой в данный момент охотился Клюв, угонщик автоматически превращается в гонимого всеми беглеца. Обворованный хозяин мгновенно поднимает тревогу, с орбиты за угнанной машиной следят всевидящие глаза навигационных спутников, на дорогах подстерегают злые гаишники – словом, вся округа в радиусе ста километров моментально превращается в готовый захлопнуться капкан. Краденую машину необходимо немедленно где-то спрятать, и не просто спрятать, а перебить номера на кузове и двигателе, сменить регистрационные знаки, а потом еще долго ждать, пока уляжется пыль. Все это тоже стоит денег, без помощи местных тут не обойдешься, и где гарантия, что ушлая московская братва просто-напросто не кинет провинциальных гастролеров?

Еще тачку можно «отжать» – то есть попросту отнять, вытряхнув хозяина на мостовую, прыгнув за руль и с места дав полный газ. В этом случае возиться с противоугонными устройствами не придется, но все остальное останется в силе, да плюс к тому статья за кражу сразу сменится более тяжелой – за разбой или, как минимум, ограбление, совершенное к тому же по предварительному сговору группой лиц.

На заре своей криминальной карьеры не единожды испробовав оба описанных способа, Клюв давно от них отказался, предпочтя им третий – самый, с его точки зрения, простой и дешевый. Клиента выслеживали – или, выражаясь профессиональным языком, выпасали – и брали в крутой оборот в тот момент, когда он выходил из машины. Стараясь не привлекать постороннего внимания, компаньоны заталкивали хозяина на заднее сиденье машины, вывозили за город и там, на пустыре, в заброшенном карьере или придорожном лесочке, тихо кончали.

От места, где происходило нападение, до упомянутого пустыря или лесочка их обычно сопровождал Самара на патрульной машине, готовый мирно урегулировать возможные разногласия со своими коллегами из ДПС. Разногласий ни разу не возникало, поскольку зажатый между двумя налетчиками хозяин машины с кляпом во рту и пером у горла просто физически не мог поднять тревогу. Пока его родные и близкие начинали о нем беспокоиться, проходило какое-то время; еще больше времени требовалось на то, чтобы внушить эту тревогу ментам и заставить их хотя бы делать вид, что они кого-то ищут. Компаньоны к этому моменту были уже далеко, и поиски неизменно заканчивались ничем: машина вместе с ее владельцем исчезала бесследно и навсегда. Трупы незадачливых автомобилистов иногда находили, но Клюва и его бригаду не нашли ни разу, не говоря уже об угнанных авто.

Обдумывать, таким образом, было нечего. Клюв закурил сигарету и, держа ее в уголке рта, проверил свое снаряжение – баллончик со слезоточивым газом и самодельную заточку, при невнимательном осмотре вполне способную сойти за охотничий нож. Сточенное лезвие было острым, как опасная бритва – Клюв убедился в этом, осторожно проведя по нему подушечкой большого пальца. Лезвие так и впивалось в кожу, норовя проникнуть глубже, через кровь и мясо до самой, мать ее, кости. Не дав ему такой возможности, Клюв убрал нож обратно в карман.

– Погоди, браток, – сказал он ножу, – придет и твой черед.

Табачный дым, лениво извиваясь, льнул к холодному стеклу. Снаружи медленно, будто нехотя, редел серый утренний туман – оседал, один за другим открывая взору этажи обступивших стоянку одинаковых панельных домов, верхушки чахлых дворовых деревьев и разноцветные пластмассовые штуковины, которыми коммунальщики утыкали детскую площадку – какие-то лесенки, качели, горки, песочницы с грибочками и прочие спортивные снаряды, предназначенные для того, чтобы ребятня получала причитающиеся ей ссадины и ушибы не где попало, а организованно, под присмотром взрослых. Было начало восьмого утра, и сквозь поредевшую молочную пелену над головой уже угадывалось солнце – размытое световое пятно, которое прямо на глазах делалось все ярче, пока на него не стало больно смотреть.

Впрочем, Клюв на него и не смотрел. Солнце, как известно, тоже звезда, а Клюв относился к той категории людей, про которых древняя восточная мудрость гласит: свинья может увидеть звезды, только если ее хорошенько пнуть в рыло.

Клюв не смотрел на солнце, деля свое внимание между железной дверью подъезда и черным «БМВ» седьмой серии, стоящим в соседнем ряду, через четыре машины от его «десятки». Машина казалась матовой от осевших на полированный металл мельчайших капелек росы, которой вскоре предстояло высохнуть: ночная прохлада быстро сменялась дневным теплом. Заметив, что кроны высаженных во дворе деревьев буквально за одну ночь из голых веников превратились в полупрозрачные зеленые облака, Клюв не без удовольствия подумал: «Скоро лето».

Лето Клюв любил. Яркое солнце, зелень, тепло, ледяное пиво, которое так приятно потягивать, сидя в полуденный зной под навесом открытой веранды кафе толстого Мустафы, загорелые девчонки в мини-юбках, поднимающийся над мангалом, умопомрачительно пахнущий жареным на углях мясом дым, плещущая в пологий травянистый берег речная вода – все это и многое другое Клюв с удовольствием предвкушал, сидя в отсыревшем за ночь, пропахшем застоявшимся табачным дымом салоне своей «лады».

Если хочешь рассмешить Бога, поделись с ним своими планами. Клюв никогда не слышал этой поговорки, а между тем в отношении него она была верна на все сто процентов. Лето действительно было не за горами, но это только половина правды; вторая половина заключалась в том, что, прийдя в Ростов, Клюва оно уже не застанет.

Без пяти восемь дверь подъезда распахнулась, и оттуда вышел клиент – не один, а в сопровождении какой-то бабы, надо думать, законной жены, потому что для любовницы она была старовата. Впрочем, выглядела дамочка вполне аппетитно, и Клюв при случае не преминул бы продемонстрировать ей кое-какие свои таланты. Приглядевшись внимательнее, он лишь утвердился в первом впечатлении: бабу себе клиент выбрал мировую, и тем приятнее было думать, что случай познакомиться с ней поближе, очень может статься, вскоре представится. Такое уже бывало пару-тройку раз: заказ срочный, риск спалиться присутствует постоянно, и кто при таких условиях станет ждать, когда хозяин машины поздно вечером вернется домой один, без жены?

Сам клиент с виду был мужиком достаточно крепким – выше среднего роста, с прямой спиной, широкими плечами и самоуверенной повадкой коренного столичного жителя, которому море по колено только на том основании, что его папа с мамой вовремя сообразили, с какой стороны на бутерброд намазано масло, и успели это масло слизать. Подобных типов Клюв искренне ненавидел и столь же искренне презирал. А что до широких плеч и внушительных бицепсов, которые красноречиво круглились под тканью рукавов легкой спортивной куртки, так, имея деньги, накачать в спортзале мускулатуру может любой дурак. Вот только проку от всего этого мяса, как правило, никакого: сунул ему, болезному, перышко под нос, он и обгадился...

Словом, если бы у Клюва и имелись какие-то сомнения по поводу способа завладения черной «бэхой», то теперь от них не осталось и следа – то есть не осталось бы, если бы они действительно были. Но сомнений не было и раньше, а вид потенциального клиента не только укрепил ростовского гопника в решимости прибегнуть к излюбленному методу отъема чужой собственности, но и заставил с нетерпением ждать момента, когда этот метод можно будет применить.

Усадив бабу в машину, клиент забрался на водительское место, и черный «бумер» укатил, негромко шурша покрышками по чуть влажному от осевшего тумана асфальту. Подождав, но не слишком долго, чтобы не упустить добычу, Клюв завел остывший мотор и последовал за ним. Поколесив по городу, счастливый (до поры, до времени) владелец скоростной немецкой тачки высадил свою пассажирку недалеко от центра, и та, чмокнув его на прощание в щеку, скрылась за дверью, рядом с которой поблескивала серебром табличка с надписью «Проектное бюро».

Клюв пренебрежительно ухмыльнулся и пожал костлявыми плечами: клиент чем дальше, тем больше укреплял его в нелестном мнении о своей персоне. Тоже мне, олигарх! Разъезжает на новенькой «БМВ», да не какой попало, а на «семерке», а дать своей жене достаточно хрустов, чтобы она не таскалась на работу, а сидела бы дома и полировала ногти, не может. Или не хочет, но это вряд ли: были бы у мужика деньги, а уж способ их отнять баба обязательно найдет. Кто его, очкарика, станет спрашивать, хочет он чего-то или не хочет!

Из проектного бюро клиент поехал не на службу, как можно было ожидать, и не домой, а в туристическое агентство. С учетом приближения лета удивляться тут было нечему. Ничему

не удивляясь и беспокоясь только о том, чтобы не кончился бензин, и чтобы какой-нибудь московский ухарь не протаранил на перекрестке его ласточку, Клюв покатыл по пятам за своей потенциальной жертвой.

За первой турфирмой последовала вторая, за второй третья, и так далее. Клиент колесил по центру битых два часа, как будто вознамерился устроить Ключу полноценную экскурсию по Москве, ни в одном из посещенных мест не задержавшись дольше десяти минут. Наконец, черный «БМВ» остановился напротив очередного, седьмого по счету, туристического агентства, в витрине которого виднелся броский плакат, рекламирующий горящие туры в Египет, Турцию, Черногорию и Арабские Эмираты. Здесь очкарик (очки у него были фасонистые, с дымчатыми стеклами, в тончайшей золотой оправе, и почему-то именно они бесили Ключа сильнее всего остального) застрял на добрых полчаса. Ключа это снова не удивило: он уже убедил себя, что имеет дело со слизьяком, не стоящим доброго слова (такая убежденность очень удобна, когда собираешься кого-нибудь ограбить и убить), и скупость, понуждающая этого жлоба литрами жечь дорогой бензин в поисках уцененной путевки, отлично вписывалась в нарисованный воображением Ключа несимпатичный портрет.

Выходя из агентства, клиент спрятал во внутренний карман пиджака пестрый продолговатый конверт – надо понимать, ту самую путевку, в поисках которой исколесил пол Москвы. Клюв слегка обеспокоился: конвертов могло быть и, скорее всего, было не один, а два, из чего следовало, что потенциальный терпило вознамерился временно откочевать в теплые края – вероятно, с женой, возможно, с любовницей, но уж точно не один. Впрочем, Клюв быстро успокоился: никто не приобретает туры прямо в день вылета. Какое-то время у них с пацанами наверняка еще было, а значит, безмятежный отдых на берегу теплого моря очкастому лоху не светил. Что ему светило наверняка, так это неглубокая могилка на дне песчаного карьера, а то и просто мусорная куча на окраине загородной свалки.

Из туристической фирмы клиент направился прямо домой. Клюв немного подождал на стоянке, шаря глазами по выходящим во двор окнам. Затея, казавшаяся безнадежной, себя оправдала: через десять минут очкарик появился в лоджии на третьем этаже. Одет он был по-домашнему, в застиранную линялую фуфайку (нижнюю половину его организма скрывало ограждение лоджии, но было нетрудно догадаться, что она упакована во что-то столь же демократичное – растянутые треники, старые шорты, а то и просто сатиновые семейные трусы); в правой руке он держал вместительную фаянсовую кружку, в левой дымилась сигарета. На дворе стоял полдень четверга, из чего следовало, что очкарик находится в отпуске. Это было не так, чтобы очень хорошо: полная свобода передвижений, которой располагает отпускник на скоростной иномарке, сулила некоторые осложнения. Но Клюв не стал особенно на этом заморачиваться, поскольку давно усвоил: просто только кошки рождаются, а если хочешь срубить денег, иногда приходится попотеть.

Вылебав то, что было в кружке, и докурив сигарету, клиент покинул лоджию. Смотреть стало не на что, торчать во дворе на солнцепеке было глупо и скучно; кроме того, у Ключа еще имелись дела. Временно предоставив очкарика его судьбе, Клюв перекусил в чебуречной за углом, а потом, благо, время как раз пришло, смотался на вокзал и снял с ростовского поезда своих орлов.

Вернувшись во двор, они обнаружили черный «БМВ» на прежнем месте.

– Нормальная тачка, – дыша перегаром, оценил объект предстоящего гоп-стопа тучный Хомяк.

– Дернем на раз, – вставляя в уголок щербатого рта сигарету, уверенно заявил Змей.

Клюв принялся, но спиртным от Змея не пахло. Это было хорошо, поскольку вести угнанную машину предстояло именно ему.

– Напьемся – разберемся, – слегка осадил подельников Клюв, сочтя небесполезным прояснить приличествующие лидеру организованной преступной группировки рассудительность

и осторожность. – Пасем по очереди, первый Хомяк. Смотри, толстый, закемаришь – глаз высосу!

Отдав, таким образом, все необходимые распоряжения, он под обиженное бормотание Хомяка скрестил на груди руки, поудобнее устроился в водительском кресле, откинулся на подголовник и с удовольствием закрыл глаза.

* * *

С третьего этажа припаркованная на дворовой стоянке «Лада» десятой модели была видна как на ладони. Запыленный кузов цвета «электрик» – то бишь, бледно-золотистого с эдакой легкой прозеленью – тускло поблескивал в лучах уже перевалившего через зенит солнца. Номер региона на регистрационном знаке был не московский, и это казалось Глебу Сиверу самым странным из всего, что произошло с ним за эти суматошные полдня.

Допив кофе и выкурив почти до фильтра первую за день сигарету, он вернулся из лоджии в комнату и присел за стол перед компьютером. Вводя в строку поисковика соответствующий случаю запрос, он поймал себя на мысли, что, как и большинство жителей так называемого цивилизованного мира, с годами стал все больше зависеть от интернета. Раньше, чтобы удовлетворить свое любопытство, ему пришлось бы рыться на книжных полках, в папках с газетными вырезками или кому-то звонить. Теперь же, чтобы получить ответ на любой вопрос, не выходящий за рамки обыденных представлений, достаточно просто погрузиться в мировую информационную сеть. То же касается и развлечений. Бумажные книги умирают, литературные журналы закрываются один за другим – зачем покупать где-то и нести домой то, что можно получить бесплатно, всего лишь пару раз щелкнув кнопкой компьютерной мыши? Даже телевизор, некогда грозивший заменить собой все, сколько их есть, способы развлечься, сегодня многими воспринимается в лучшем случае как придаток персонального компьютера – просто большой монитор, на котором удобнее смотреть скачанные из сети фильмы и ролики. Вслед за эпохой ресторанов быстрого питания наступила эра интеллектуального фастфуда – дешевого, легко доступного, вызывающего почти мгновенное привыкание и такого же пагубного для ума, как пепси и гамбургеры для желудка.

Тем не менее, для решения простых, не требующих вдумчивого подхода вопросов интернет незаменим – так же, как фастфуд незаменим, когда нужно быстро, на ходу, утолить голод. Ответ нашелся быстро, и, отыскав в таблице нужную строку, Глеб удовлетворенно кивнул: память не подвела, «Лада» цвета «электрик» действительно прикатила в столицу из Ростова.

Встав из-за стола, Сиверов подошел к окну и выглянул во двор. Предмет его размышлений на стоянке отсутствовал: надо полагать, старая домашняя фуфайка, кружка кофе и сигарета произвели на водителя именно то впечатление, которое старался создать Глеб.

– Одесса-мама, Ростов-папа, – задумчиво пробормотал агент по кличке Слепой, глядя на пустой прямоугольник асфальта, еще пару минут назад занятый машиной загадочного преследователя. – Что за притча?

Это действительно была притча, причем весьма странная. Хвост за собой Глеб заметил еще утром, когда отвозил Ирину на работу. Дав пару ненужных крючков, которые объяснил жене якобы прослушанным по радио сообщением о поджидающих впереди пробках, он убедился, что «десятка» с провинциальными номерными знаками увязалась за ними не случайно. Ее водитель старался действовать аккуратно, и простой обыватель его бы почти наверняка не заметил, а если бы заметил, то решил бы, что это обычное совпадение. Но Глеб Сиверов простым обывателем не являлся и не имел права на такую роскошь, как благодущие. Давным-давно, в счастливом полузабытом отрочестве, когда еще не мог даже предположить, кем станет, когда повзрослеет, он прочел в одной книге мысль, правоту которой до конца осознал только через много лет. Некий коллега агента по кличке Слепой, сотрудник спецслужб из дале-

кого будущего сказал примерно следующее: если вдруг запахнет серой, мы должны не рассуждать о природных аномалиях, а предположить, что где-то поблизости объявился черт, и немедленно наладить массовое производство святой воды.

От золотистой в прозелень «десятки» отчетливо разило серой, и, еще ничего не зная наверняка, Глеб принял решение и начал неуклонно претворять его в жизнь. Уже после первого контрольного крюка, когда стало ясно, что увязавшаяся за ним во дворе «Лада» не намерена отставать и теряться в транспортном потоке, он легкомысленным тоном завел разговор о том, что работа – это, конечно, хорошо, но надобно и честь знать. Труд сделал из обезьяны человека, но он же превратил его в лошадь; кони, как известно, от работы дохнут, а право гражданина на отдых закреплено за ним основным законом страны – Конституцией Российской Федерации.

Слушать подобные рассуждения Ирине было не впервой, и секунд через тридцать или около того она перебила мужа, сказав:

– Если бы только знал, как я от всего этого устала!

Разговор принимал крайне нежелательный оборот, но деваться было некуда: пойти на попятный Глеб не мог. Статус свободного агента не только наделяет человека весьма широкими полномочиями, но и возлагает на него полную ответственность за все, что происходит с ним и его близкими. В воздухе пахло серой, а планы на вечер не подлежали пересмотру. Глеб не без оснований рассчитывал, что в одиночку сумеет управиться и с работой, и с непонятной, но явной угрозой, которую таила в себе «Лада» цвета «электрик». Но вот Ирина в это уравнение никоим образом не вписывалась, и ее следовало вывести за скобки, со всей возможной быстротой удалив из Москвы на как можно большее расстояние. В противном случае данное арифметическое действие могли произвести математики, пославшие следить за ним эту чертову «десятку», и Глеб не сомневался, что на этом они не остановятся. Умножить его самого на ноль и навсегда сбросить со счетов – такова, вероятнее всего, была конечная цель затеваемого мероприятия.

Поэтому вместо ответа он лишь поправил на переносице темные очки, чтобы те полностью скрыли глаза, повернулся к жене лицом и одарил ее лучезарной белозубой улыбкой, такой широкой и открытой, что в ее карикатурности не усомнился бы даже бегемот.

Кожа у Ирины Быстрицкой была намного тоньше, чем у бегемота, и намек она поняла превосходно, как и то, что спорить бесполезно. Но она не была бы женщиной, если бы не предприняла хотя бы слабую попытку, и попытка была предпринята.

– Что у тебя опять стряслось? – спросила Ирина. – Неужели без этого нельзя обойтись?

– Никак нельзя, – проникновенно сказал Глеб, поверх темных очков косясь в зеркало заднего вида, где наблюдалась все та же знакомая до отвращения картина. – Понимаешь, совсем забыл тебе сказать, что назначил свидание одной сногшибательной брюнетке...

– Ну и ступай на свое свидание, – без видимого энтузиазма включилась в предложенную мужем игру Ирина. – А я дома подожду. Привыкать мне, что ли?

– А из ресторана я ее куда поведу – в гостиницу? Это ж дорого! – возмутился Сиверов.

– Он еще и скряга, – неизвестно кому пожаловалась Ирина. – Тоже мне, герой-любовник! Когда? – спросила она, помолчав.

– Лучше бы прямо сейчас, – честно ответил Глеб. – А еще лучше позавчера. Но, щадя нервную систему твоего любимого шефа, даю вам время на утряску формальностей, скажем, до семнадцати ноль-ноль.

Ирина не возразила. Она могла возразить, а могла и просто не подчиниться, поступив по-своему, как уже делала пару-тройку раз за долгие годы их супружества. Каждый раз такая самостоятельность выходила боком им обоим, и, если воспоминания о тех случаях начинали блекнуть, Ирине было достаточно взглянуть на обнаженный торс мужа, чтобы они снова заиграли яркими, натуралистичными красками. Потому что среди внушительного количества шрамов от пулевых и ножевых ранений, коими мог похвастаться Глеб, имелось несколько меток, полу-

ченных при освобождении взятой в заложницы супруги. Любая из этих дырок могла оказаться смертельной, и, помня о них, Ирина проглотила готовые сорваться с языка сердитые слова.

На этом, собственно, и строился расчет. Убедившись, что вопрос решен, Глеб перестал выписывать вензеля по запруженному транспортом центру и кратчайшим путем погнал машину к проектному бюро. Золотистая «десятка» стойко держалась у него в кильватере, хотя, судя по номерным знакам, это должно было стоить водителю-провинциалу нечеловеческих усилий. Впрочем, несмотря на свой оперативный псевдоним, Глеб был не настолько наивен, чтобы слепо доверять регистрационным номерам, паспортам, удостоверениям и прочим биркам, которыми государство щедро обвешивает людей и их имущество, чтобы было легче разобратся, кто есть кто.

В течение пяти минут, потребовавшихся, чтобы преодолеть остаток пути, разговор представлял собой непрерывный монолог Слепого. Он был густо пересыпан названиями и краткими описаниями архитектурных красот старушки-Европы, которые Ирина, как любой уважающий себя зодчий, была просто-таки обязана время от времени созерцать воочию. Внимательный слушатель, впрочем, мог без труда заметить, что это не столько рекламная речь туристического агента, пытающегося всучить клиентке залежалый тур, сколько инструктаж, какой проводят перед засылкой резидента-нелегала в глубокий тыл противника. Ирина была внимательным слушателем, но ей вовсе не нужно было что-то такое замечать: она и так знала, что расширение ее эстетического кругозора заботит мужа в самую последнюю очередь – по крайней мере, в данный момент.

Глеб знал, что она это знает, и она знала, что он знает, что она знает, и в видимости полного согласия, в полном соответствии с поговоркой, гласящей, что худой мир лучше доброй ссоры, они добрались до конечной точки маршрута. Получив на прощанье холодноватый поцелуй в требовательно подставленную щеку, а вместе с ним и относительную свободу, Глеб осмотрелся.

Уже успевшая сделаться ненавистной «десятка» маячила в зеркале заднего вида, будто нарочно, чтобы привлечь к себе максимум внимания, моргая оранжевыми огоньками аварийной сигнализации. Водитель, похоже, и впрямь был из провинции: проехать мимо остановившегося «БМВ» Сиверова он не рискнул, опасаясь, что тот развернется и укатит в обратном направлении, а потому припарковался в неполюженном месте, заблокировав выезд со стоянки сразу трем машинам. Глеб не без труда отказался от заманчивой идеи задержаться здесь подольше. Московские автомобилисты – народ нервный, вспыльчивый, и, если кто-то из владельцев заблокированных авто вернется, водителю «десятки» мало не покажется. Слово за слово, и на свет Божий, как по щучьему велению, явится бейсбольная бита, а то и травматический ствол.

Но время было дорого, и Глеб пожертвовал невинным развлечением ради насущных, не терпящих отлагательства дел. Инструктируя Ирину, он работал не только языком, но еще и мозгами – не разрабатывал план действий, а выбирал из имеющихся вариантов тот, что лучше других подходил к ситуации. Выбор был сделан, и, когда за Ириной закрылась дверь бюро, Сиверов сразу же тронул машину с места.

В первой же туристической фирме, которую посетил, он забронировал билет на вечерний рейс до Вены. Затем, сделав главное, устроил своему провожатому небольшой ознакомительный тур по всем, какие только знал, аналогичным заведениям, расположенным поблизости от центра города. Во время одной из остановок, выглянув из окна второго этажа, где расположился офис турфирмы, он впервые разглядел своего преследователя во всей красе. Им оказался долговязый и сутулый субъект лет тридцати с небольшим. С виду он целиком, от подошв поношенных кроссовок до надвинутой на самые брови матерчатой кепки, казался провинциальным гопником девяносто шестой пробы, и это, откровенно говоря, немного сбивало с толку. Выйдя из машины, он озабоченно пинал носком кроссовка переднее колесо, дымя при этом

сигаретой и разговаривая с кем-то по мобильному телефону. У Глеба возникло желание позвонить генералу Потапчуку и спросить, не его ли это фокусы, но он быстро передумал. Если бы Федор Филиппович приставил к нему хвост и хотел, чтобы Глеб об этом знал, он предупредил бы заранее. А если не хотел, то и спрашивать бесполезно – все равно не скажет. К тому же соглядатая, приставленного шефом, было бы не так просто засечь. Да и потом, зачем Потапчуку следить за своим лучшим агентом?

Значит, это был кто-то другой. Для Глеба Сиверова слово «другой» автоматически означало «чужой» – неизвестный пока противник, враг, явившийся явно не затем, чтобы презентовать ему два билета в филармонию на вечер симфонической музыки. Выданные в провинции регистрационные номера и нелепый, не по возрасту, «хулиганский» вид преследователя могли представлять собой все что угодно – например, маскировку или попытку (к слову, довольно-таки успешную) вывести Глеба из душевного равновесия.

В свете запланированного на сегодняшний вечер мероприятия происходящее выглядело более чем скверно: это была почти катастрофа.

В седьмом по счету туристическом агентстве Глеб решил, что представление пора заканчивать. Изобилующий зигзагами и петлями круговой маршрут, которым он двигался, был тщательно, насколько это позволяли обстоятельства, продуман, и привел он именно туда, куда следовало: в мелкую, отчаянно бьющуюся за место под солнцем фирму, промышленную скупкой у более удачливых конкурентов и перепродажей с минимальной выгодой для себя горящих туров на популярные среди россиян со средним достатком морские курорты.

Здесь он не спеша выбрал и оплатил путевку в Черногорию, продиктовав служащей паспортные данные жены, которые среди всего прочего надежно хранились в его памяти. Девушка, оформлявшая путевку, казалось, была готова заплакать от счастья и избегала лишнего раз взглянуть на Глеба, боясь спугнуть удачу, а представительная дама, что сидела за столиком с табличкой «Директор», лично приготовила и подала ему кофе, оказавшийся, к его удивлению, вполне удобоваримым. Понять их было несложно: клиента, который без единого слова протеста, даже не торгуясь, покупает тур прямо в день вылета, надлежит носить на руках, сдувая с него пылинки. Глеб нарочно держал красочный конверт с путевкой на виду, пока не очутился на улице, и только там, на глазах у своего сопровождающего, неторопливо убрал его в карман.

Он был доволен: оставленный им ложный след был шириной с колею от карьерного самосвала, и не заметить его мог разве что слепой от рождения. Билет до Вены был забронирован на чужое имя, и обнаружить ЭТОТ след мог только очень грамотный профессионал, и то далеко не сразу и при большом везении. Оба рейса вылетали из одного аэропорта с разницей в полчаса, так что Ирина, кажется, наконец-то была в безопасности.

«Будет, – поправил себя Глеб, – когда самолет оторвется от земли».

Вернувшись домой (естественно, в сопровождении почетного эскорта), он переоделся, зарядил кофеварку и, пока та нагревалась, выкопал из потайного сейфа загранпаспорт с открытой шенгенской мультивизой, фотографией Ирины и анкетными данными какой-то незнакомой и, вероятнее всего, никогда не существовавшей Анастасии Сверчковой. Госпожа Сверчкова была персоной вымышленной, зато в подлинности паспорта не усомнился бы даже самый придирчивый пограничник, поскольку тот был самый что ни есть настоящий, оформленный по всем правилам.

Тут все было в порядке, но вот отсутствие на стоянке знакомого авто с ростовскими номерами теперь казалось едва ли не более подозрительным, чем раньше – его присутствие. Глеб корил себя за то, что, заметив слежку, повез Ирину прямо на работу. Если им занялись какие-то серьезные люди – а с несерьезными он не имел никаких дел уже очень давно, – этот прокол мог дорого ему обойтись.

Он позвонил Ирине, спросил, договорилась ли та об отпуске, и как бы между делом попросил не выходить из бюро и ни при каких обстоятельствах не вступать в контакты с незна-

комыми людьми. Говорил он все тем же легкомысленным, игривым тоном, каким болтают о пустяках, но Ирина, как обычно, поняла его с полуслова. В ее голосе отчетливо слышался неприязненный холодок; ощущение было такое, словно Глеб приложил ухо не к телефонной трубке, а к замочной скважине, из которой тянуло острым ледяным сквознячком. Это был ветерок, предвещающий большую грозу, но Глеб не особенно расстроился. Способность сердиться и ссориться свойственна только живым людям, мертвецы не обижаются и никому не предъявляют претензий. Пусть себе дуется, главное, чтобы была жива и здорова.

Успокоившись, хотя и далеко не до конца, он приступил к сборам. Старый дорожный чемодан Ирины отыскался на антресолях, куда был сослан ввиду почтенного возраста и сомнительной, с какой стороны ни глянь, ярко-розовой окраски. Данный аксессуар был приобретен когда-то давно по необходимости на черноморском курорте, где Глеб старательно делал вид, что приехал с женой на отдых, а Ирина не менее старательно притворялась, что верит в сказки. Прямо в день отъезда у ее чемодана оторвалась ручка; искать мастерскую было некогда, а в местном универмаге удалось купить только это розовое с хромированной отделкой чудовище. Таких там была целая полка, как будто администрация торговой точки получила из надежного источника известие о предстоящем массовом нашествии фанаток куклы Барби. В употреблении чемодан побывал всего один раз, и кричащая расцветка была его единственным недостатком по сравнению с другими аналогичными изделиями. Когда Глеб стер с него копившуюся на протяжении доброго десятилетия пыль, он стал, как новенький. В глазах людей, обладающих хотя бы крупицей вкуса, он должен был слегка компрометировать хозяйку. Зато ни у кого, независимо от уровня образованности и эстетических пристрастий, не могло возникнуть и тени сомнения в том, что чемодан этот женский, и что мужчина может нести ЭТО по улице с одной-единственной целью: как можно скорее, пока кто-нибудь не заснял на камеру мобильного телефона, передать законной владелице. Ну, или выбросить на ближайшую помойку.

Попытки угадать, что именно женщина захочет или, напротив, не захочет надеть в той или иной ситуации, всегда были делом безнадежным. Поэтому, упаковывая чемодан, Глеб ограничился минимумом самых необходимых вещей и косметики. Увесистая пачка пестрых, как конфетные обертки, евро должна была с лихвой компенсировать недостающее, а процесс компенсации обещал хотя бы частично исцелить душевную рану, нанесенную Ирине нынче утром.

Закончив сборы, которые, как он чувствовал, впоследствии не раз будут ему припомнены, Глеб приготовил еще одну чашку кофе и не спеша выпил ее, стоя у окна кухни и глядя из-за занавески во двор. Предчувствие его не обмануло: когда в чашке осталось на пару глотков, в конце длинного, затененного старыми липами и тополями проезда показалась знакомая «десятка». Водитель загнал ее на то же место, с которого уехал чуть больше часа назад. Он вернулся не один: рядом с ним кто-то сидел, а когда машина поворачивала, въезжая на парковку, Глеб разглядел, что и сзади сидит как минимум еще один человек.

Сказавши: «О!», Сиверов позвонил жене и убедился, что с ней все в порядке – настолько, разумеется, насколько это вообще возможно при сложившихся обстоятельствах. Время, между тем, не стояло на месте. Асфальт во дворе расчертили косые тени, которые становились все длиннее; вслед за теньями деревьев медленно, но верно ползла, ширясь и густея, тень соседнего дома. К половине четвертого она накрыла парковку со стоящей на ней «Ладой», из приоткрытых окон которой клубами валил табачный дым. «Чудеса», – пробормотал Глеб, наблюдая это природное явление. Беспечная наглость тех, кто за ним следил, и впрямь граничила с чудом; если это были профессионалы, в чем Глеб сомневался чем дальше, тем сильнее, то их задачей наверняка было не столько наружное наблюдение, сколько оказание давления на психику. Это означало, что выполнение задания находится под угрозой. Умнее всего сейчас было бы отменить запланированную на вечер акцию, но Глеб знал, что такая отмена сведет на нет плоды двухмесячной кропотливой работы, а другого такого случая может просто не быть.

Поэтому он сполоснул и поставил в сушилку чашку, быстро принял душ и оделся для выхода. Его появление во дворе с ярко-розовым чемоданом на колесиках вызвало в «десятке» сдержанный фурор: краем глаза он видел, как пассажир на переднем сидении растолкал задремавшего водителя, а тот, что сзади, даже немного опустил пыльное стекло, чтобы лучше видеть. Глебу вдруг захотелось хихикнуть: в таком дурацком положении он не оказывался уже давненько. Потом он представил, как в щель приоткрытого окна просовывается ствол автомата, и веселье как рукой сняло. Вспомнился приключенческий фильм, главный герой которого лихо побеждал полчища врагов, прикрываясь от пуль бронированным чемоданом. Чемодан, который волок за ручку Глеб Сиверов, бронированным не был – увы, увы. Зато его дикая расцветка вкупе с предыдущей поездкой по туристическим бюро и тем обстоятельством, что чемодан был один, могла навести и, скорее всего, навела экипаж зеленовато-золотистой «Лады» на правильные мысли. Правильными же, с точки зрения Слепого, в данной ситуации были те мысли, которые он старался внушить своим неизвестным оппонентам.

Стрелять в него никто не стал. Покосившись в сторону «десятки» из-под темных очков, Глеб сумел неплохо рассмотреть людей, чье присутствие целый день не давало ему покоя. Их действительно было трое. За рулем, как и прежде, сидел уже знакомый ему неприятный тип с наружностью мелкого провинциального уголовника. Рядом, практически полностью загородив правое переднее окно, громоздилась обтянутая майкой легкомысленной расцветки мясистая туша, увенчанная коротко остриженной, крупной, как спелая тыква, и такой же круглой головой. На заднем сидении нетерпеливо ерзал третий член экипажа – тощий, остролицый и белобрысый гуманоид лет двадцати с хвостиком. Определить длину хвостика на таком расстоянии не представлялось возможным, да это и не имело значения. Все трое старательно и неумело делали вид, что Глеб с его чемоданом их нисколько не интересует. Вид у этой троицы был до того непрофессиональный, что, загружая розовое чудище в багажник «БМВ», Глеб с трудом удержался от того, чтобы изумленно пожать плечами: чудны дела твои, Господи!

Он еще раз внимательно прислушался к своим ощущениям. Ощущения за последние несколько минут ничуть не изменились, оставшись прежними: чушь собачья, бред сивой кобылы. Бесспорно, любая из действующих в России спецслужб, любое частное охранное или детективное агентство – словом, любая серьезная контора, в поле зрения которой по той или иной причине мог попасть агент по кличке Слепой, – с целью оказания на него психологического давления и срыва намеченной на эту ночь операции могла отыскать в своих рядах необходимое количество грамотных профессионалов, которые при некотором старании могли сойти за троицу провинциальных гопников. Такая комбинация выглядела чересчур громоздкой, но невозможной вовсе не представлялась. То, что для одного является конечной целью, по достижении которой можно рапортовать начальству об успешном выполнении задания, для кого-то другого лишь промежуточное и притом далеко не главное звено в цепочке, что, петляя, извиваясь и поминутно исчезая из вида, протянулась от горизонта до горизонта. И, неожиданно для себя замечая какой-то из этих прихотливых извивов, к которому не имеет никакого отношения и смысла которого не может понять ввиду своей нулевой информированности, промежуточный исполнитель неминуемо впадает в тревогу и недоумение: что за чертовщина, ребята?! А ребята просто выполняют свою работу, куют очередное промежуточное звено в цепи чьего-то хитроумного, детально разработанного плана, и им глубоко плевать на чье-то там недоумение: им-то доподлинно известно, что и зачем они делают.

Так могло быть, но так не было – Глеб ощущал это так же ясно, как метеочувствительные люди ощущают близящуюся перемену погоды. От этого его недоумение только усилилось, вплотную приблизившись к раздражению, и, усевшись за руль, где красавцы из «Лады» гарантированно не могли ни услышать его голос, ни разглядеть выражение лица, Сиверов сердито чертыхнулся вслух.

Глава 2

– А чемоданчик-то бабский, – заметил с заднего сиденья Змей. – Голубой он, что ли?
– Да ты, братка, по ходу, дальтоник, – не оборачиваясь, сказал Хомяк. – Голубое от розового отличить не можешь?

– Да я не про чемодан, чепушило ты мордатое, я про клиента! – внес ясность Змей.

– За чепушило ответишь, – по-прежнему глядя перед собой, предупредил Хомяк.

Не принимающий участия в дискуссии Клюв озабоченно покусал нижнюю губу. Предпринятый клиентом марш-бросок по туристическим фирмам, завершившийся приобретением пестрого конверта, и только что загруженный в багажник розовый дорожный чемодан внушали некоторое беспокойство. Темнота еще не наступила, и, несмотря на врожденную тупую наглость, которая всегда была основой его мировоззрения, Клюв понимал, что ни здесь, во дворе, ни рядом с расположенным в людном центре проектным бюро, ни на оживленной трассе, ведущей в аэропорт, ни, тем более, в самом аэропорту задуманный гоп-стоп с последующей мокрухой провернуть не удастся, будь у них на подхвате хоть пять Паштетов с патрульными тачками, мигалками и полосатыми жезлами. Вожденная седьмая «бэха», которую он, как проклятый, пас почти сутки, грозила ускользнуть прямо из рук. Если клиент прямо сейчас заберет свою бабу с работы, сядет в самолет и дернет в какие-нибудь Эмираты, придется либо угонять машину с охраняемой гостевой стоянки аэропорта, либо просто о ней забыть и приступить к поискам с нуля.

С формальной логикой, о существовании которой он вряд ли когда-либо слышал, у Клюва всегда было туго, но на отсутствие здравого смысла и практической сметки он не жаловался. Перспектива лишиться верной добычи и застрять в не шибко гостеприимной Москве на неопределенный срок подстегнула мыслительные способности, и Клюв довольно быстро сообразил: парочка обеспеченных москвичей, разъезжающих по городу на дорогом автомобиле, вряд ли отправится на отдых в теплые страны с одним на двоих, и притом не особо вместительным чемоданом. Чемодан был, как верно подметил Змей, откровенно женский, да и не в этом суть: главное, что он один. Один чемодан, одна машина, два человека – мужик и баба... И, даже если этот столичный фраер настолько огламурился в своих ночных клубах, что считает возможным путешествовать с чемоданом куклы Барби, это еще лучше: тогда из аэропорта на «бэхе» вернется его аппетитная сожительница – вернется поздно, одна... В общем, если на курорт улетит этот клоун в темных очках, все сложится так, что лучше просто не придумаешь.

Из дома клиент опять отправился в проектное бюро, подтвердив тем самым предположения Клюва. Было уже начало шестого пополудни, ущелья городских улиц затопили синеватые вечерние тени, а там, где, следуя за клиентом, приходилось поворачивать на запад, низкое закатное солнце било прямо в глаза, заставляя опускать защитные козырьки. Первый раз эта манипуляция едва не кончилась крупной неприятностью: портмоне с документами и резервная пачка сигарет, о которых Клюв грешным делом напрочь позабыл, выпали, разлетевшись по передней панели, Клюв машинально принялся их ловить и едва не вцепился в задний бампер новехонького «рейнджровера», который резко затормозил перед светофором. Пока в салоне «десятки» продолжалась вызванная этим мелким происшествием матерная перебранка, проскочивший перекресток клиент успел скрыться из вида. Это было скверно, но не так, чтобы очень: дорогу Клюв знал, клиент, как всякий добропорядочный лох, вел себя вполне предсказуемо, и, подкинув своему золотисто-зеленому Росинанту газку, Клюв настиг жертву в двух кварталах от перекрестка, на котором от нее отстал.

Еще через два квартала впереди показалась знакомая вывеска проектного бюро. Несмотря на вечерний час пик, Клюву повезло припарковаться на стоянке, а не где попало, как в первый раз, и бригада с удобством, без лишней нервотрепки пронаблюдала за процессом

погрузки в машину жены клиента, внешность каковой подверглась оживленному обсуждению и была единогласно одобрена. Баба глядела хмуро, но в глазах ростовских гопников это ее ничуть не портило, поскольку хмурилась она не на них. Кроме того, все трое давно привыкли не обращать внимания на выражение лица тех, кого брали в крутой оборот, потому что в такой ситуации оно, выражение, рано или поздно делается примерно одинаковым у всех, независимо от пола, возраста и телосложения. Приятным это выражение не назовешь, дела оно никоим образом не меняет, а раз так, то и париться по поводу чьих-то сердито нахмуренных бровей не стоит. В конце-то концов, если говорить о данной конкретной телке, пощупать ее при случае пацаны намеревались вовсе не за брови.

Из проектного бюро черная «БМВ» направилась напрямик в аэропорт – опять же, как и предполагалось. Там, в аэропорту, настал момент истины. Напряжение было таким сильным, что его почувствовал даже толстокожий Хомяк: а вдруг все-таки улетят оба? Вдруг второй чемодан лежит в багажнике со вчерашнего дня или целую неделю, и они его просто не заметили?

Потом напряжение немного спало: чемодан таки был один. На него оглядывались – видимо, из-за расцветки, – и Клюв заметил, что жена клиента, пока позволяют обстоятельства, старается держаться от него в сторонке, делая вид, что не имеет к этому ярко-розовому кошмару никакого отношения. Зрелище было забавное, но продолжалось оно недолго – ровно столько, сколько понадобилось, чтобы дойти от парковки до оснащенных фотоэлементами автоматических раздвижных дверей пассажирского терминала. Стеклопакеты плавно разъехались в стороны и снова сдвинулись, в людской толчее последний раз мелькнул розовый чемодан, и потянулись минуты нескончаемого долгого тревожного ожидания.

Через час, показавшийся Клюву и его бригаде вечностью, клиент вышел из терминала – один, без бабы и чемодана, чем сильно обрадовал заждавшихся компаньонов. Остановившись на площадке перед входом, он первым делом нацепил свои темные очки, хотя солнце уже почти коснулось линии горизонта далеко за летным полем, по ту сторону здания аэропорта.

– Понтуется фраерок, – высказался по этому поводу Змей.

– Ничего, уже недолго осталось, – сказал Хомяк.

Клюв промолчал. Он был согласен с обоими, но не считал нужным тратить слова на констатацию очевидных фактов. Неприязнь к клиенту никуда не делась, но никаких эмоций в отношении него Клюв не испытывал: перед ним был не человек, а просто один из миллионов набухших сосков гигантского вымени под названием Москва. Вымя едва не лопалось от шальных денег; его доили, доят и будут доить все, кому не лень, но оно от этого не оскудеет. Способов дойки существует множество; некоторые соски приходится нещадно отрывать, как вскоре будет оторван вот этот отросток в темных очках, но вымя на это никак не реагирует – их, сосков, у него чересчур много, и потеря одного или нескольких обычно остается незамеченной.

Покончив с процедурой водружения на переносицу абсолютно ненужных солнцезащитных очков, клиент направился к машине. На мгновение блестящие темные линзы обратились в сторону припаркованной неподалеку от «бумера» «десятки», но их владелец опять не обратил на машину преследователей внимания и, равнодушно отвернувшись, спокойно уселся за руль.

– Вот лошара, – пренебрежительно фыркнул Змей. – По ходу, если мы к нему буксирным тросом привяжемся, он нас и тогда не заметит!

Хомяк обернулся к нему всем телом, заставив жалобно скрипнуть пружины продавленного сиденья.

– Если не нравится, подойди к нему и прямо предъяви: слышь, ты, терпило, мы тут на твою тачку глаз положили. Мыслим, короче, тебя на перо поставить, а «бумер» за хорошие бабки уважаемым людям втюхать. Целый день у тебя на хвосте висим, а ты, падло, ни ухом, ни рылом... Хоть бы ментов вызвал, что ли!

– Точно, – запуская двигатель, поддакнул Клюв. – Так ему и скажи. Только сперва завешание составь, потому что при таком раскладе в Ростове тебя живым больше не увидят.

– Дыхание поберегите, – нимало не смутившись, посоветовал Змей. – А то так на меня наезжаете, что потом на клиента здоровья не останется.

Из аэропорта клиент направился не в кабак и не к любовнице, как можно было ожидать от человека, только что хотя бы на время сбросившего с шеи тугой хомут супружеских обязанностей, а к себе домой. Он даже не заехал в магазин; это означало одно из двух: либо у него дома достаточно спиртного, чтобы не бояться умереть от жажды, либо он настолько никчемное создание, что даже не пьет.

– Это чего? – изумленным голосом озвучил мысли Клюва Змей. – Это он сейчас чайку похлебает, по телеку фильмец позырит и баиньки?

– Если успеет, – сквозь зубы уточнил Клюв, загоня машину в знакомый двор.

Солнце уже зашло, синие майские сумерки густели прямо на глазах. В домах одно за другим загорались окна, в воздухе полупрозрачной сырой кисеей повис невесть откуда взявшийся туман. Он тоже постепенно густел, размывая очертания предметов и рассеивая рубиновый свет тормозных огней остановившейся на дворовой стоянке «БМВ». На затененной кронами старых лип стоянке было уже по-настоящему, почти как ночью, темно. Действуя по наитию, как и надлежит уважающему себя, удачливому гопнику, Клюв резко газанул, увеличив скорость, и так же резко затормозил в паре метров от «бумера», хозяин которого только что выбрался из салона.

Клиент замер, с головы до ног залитый слепящим светом фар, как застигнутый врасплох на ночной дороге заяц, держась одной рукой за верхний край приоткрытой дверцы, а другую, правую, запустив за левый лацкан пиджака, словно у него от испуга прихватило сердце. Его темные очки, которые этот столичный фраер так и не удосужился снять, ярко блестели отраженным светом, как будто ему ввернули в глазницы пару электрических лампочек, а провод вставили... ну, куда удобней, туда и вставили.

Что-либо объяснять или подавать команды не было необходимости: каждый знал свою роль назубок, и каждый видел, что миг, ради которого они приехали в Москву, настал.

Три крепкие руки почти синхронно легли на дверные ручки. Теплая от соседства с телом рукоятка ножа, как живая, скользнула Клюву в ладонь, и пальцы привычно сомкнулись на ней, лаская уютные гладкие выемки в упругой, шелковистой на ощупь резине. В костлявом кулаке Змея тускло блеснул округлый бок маленького жестяного цилиндра: при всех своих многочисленных ценных талантах бойцом Змей был никудышным и предпочитал в случае нужды выводить противника из строя на расстоянии таким несерьезным, бабским оружием, как аэрозольный баллончик с перцовым газом. Только могучий Хомяк не стал вооружаться, поскольку ударом кулака мог свалить с ног бешеного носорога. Как там на самом деле могло бы выйти с носорогом, Клюв не знал, зато своими глазами видел, как Хомяк однажды на спор кулаком выбил кирпич из русской печки – выбил, что характерно, одним ударом и без видимых негативных последствий для здоровья.

Все началось и кончилось буквально в пару секунд. На первых же оборотах маховика идеально отлаженный механизм дал досадный сбой, и бравурный марш гоп-стопа заглох на фальшивой петушиной ноте, когда дверь подъезда вдруг распахнулась настежь, и оттуда, весело гомоня и смеясь, вывалилась компания основательно поддатой молодежи. Клюв насчитал в ней трех крепких, спортивного вида парней призывного возраста и столько же девиц. Масштабное побоище под аккомпанемент истошного бабьего визга в планы компаньонов не входило: шум неминуемо свел бы на нет плоды победы, вероятность которой при такой расстановке сил, к слову, тоже была далека от ста процентов.

А побоища, если что, было не миновать. Клюв убедился в этом, когда один из парней, обернувшись к освещенной фарами «Лады» стоянке, громко сказал: «О, Петрович вернулся!»

А другой, приветственно воздев над головой руку с ополовиненной бутылкой пива, крикнул хозяину черной «бэхи»: «Глебу Петровичу добрейшего вечерочка!»

Несостоявшийся клиент отвернул свои блестящие темные бельма от света фар, вынул правую руку из-за лацкана и приветливо помахал ею шумной компании. Отступив от машины на полшага, он мягко захлопнул дверцу и небрежным хозяйским жестом вытянул в сторону автомобиля руку с брелком. «Бумер» коротко пиликнул, подмигнув оранжевыми огнями сигнализации, и Клюв, как наяву, услышал звук, которого на самом деле с такого расстояния не мог слышать ни при каком раскладе – мягкое, маслянистое клацанье запертого центрального замка.

Все это заняло считанные мгновения, и за этот мизерно короткий промежуток времени идеально, казалось бы, сложившаяся картина перевернулась вверх тормашками, встав с ног на голову. Возможность была безвозвратно упущена; впрочем, с учетом обстоятельств следовало честно признаться себе, что ее и не было.

Грязно выругавшись сквозь стиснутые зубы, Клюв переключил передачу и так же резко, как подкатил, задним ходом по крутой дуге отвел «десятку» от «БМВ», а потом, как пробку в бутылочное горлышко, вогнал ее в узкий просвет между двумя припаркованными машинами.

Если не придирается к мелочам, в общем и целом все эти манипуляции с рулем и педалями могли сойти за чуточку чересчур резкий и смелый, но вполне обыкновенный маневр, именуемый парковкой. Более того, именно так, в суровой, истинно мужской, пацанской манере Клюв парковался всегда – по крайности, у себя дома, в Ростове. Клиент этого, конечно, знать не мог, но, видимо, достаточно повстречал на своем веку ухарей на «жигулях», чтобы сделать из увиденного именно тот вывод, к которому его пытались подтолкнуть. И правильный вывод был сделан: мгновенно потеряв к едва не переехавшей его машине всякий интерес, очкастый Глеб Петрович неторопливо направился к подъезду, на ходу вытряхивая из пачки сигарету и даже не подозревая, что только что счастливо избежал лютой смерти.

А впрочем, черта с два: ничего он не избежал, а просто получил небольшую отсрочку исполнения приговора.

Примерно на полпути, посреди густо заставленного припаркованными на ночь авто проезда, приговоренный остановился, чтобы закурить. При этом, обернувшись через плечо, он зачем-то посмотрел на «десятку» поверх сложенных лодочкой ладоней. Но предусмотрительный Клюв был к этому готов: выйдя из машины и подняв капот, он уже без всякой необходимости ковырялся в горячем движке, подсвечивая себе мобильным телефоном – устранял несуществующую неисправность, тихонько шипя сквозь зубы, когда пальцы невзначай касались раскаленного пыльного металла. Вдоволь налюбовавшись его торчащей из моторного отсека тощей кормой, будущий потерпевший повернулся к стоянке спиной, все так же неторопливо преодолел остаток пути и, обменявшись с кучкующимся на тротуаре молодняком какими-то дежурными банальностями о погоде и самочувствии, скрылся за железной дверью подъезда.

– Вот же сука везучая, – послышался из неосвещенного салона «десятки» полный сердитого разочарования голос Змея.

– От судьбы не уйдет, – рассудительно ответил флегматичный, как все крупные и сильные от природы люди, Хомяк. – Все равно наш будет – не сегодня, так завтра.

«Где бы ты ни бегал, что бы ты ни делал, все равно ты будешь мой», – вспомнились Клюву слова услышанной когда-то давно и навек, казалось, забытой песенки. Он с ненужной силой захлопнул капот, грохнув им так, что затянувший какую-то сердитую тираду Змей испуганно умолк на полуслове, и боком втиснулся за руль.

– Ну, и чего теперь? – требовательно поинтересовался Змей, когда он закрыл дверцу. – Может, хату снимем? Заночуем по-человечески, пару пузырей перед сном оприходуем... А?..

Змею вечно не сиделось на месте, бездействие и долгое ожидание он ненавидел всеми фибрами души. Именно про таких людей говорят, что у них шило в зад; глядя на то, как

Змей нетерпеливо ерзает по сиденью, в это было несложно поверить, причем в самом прямом, буквальном смысле. Еще Змей просто обожал хорошенько выпить, в чем, увы, вовсе не был оригинален.

– Отставить хату, – сам не зная, на что, собственно, рассчитывает, отрезал Клюв. – Будем ждать.

– Чего ждать-то? – возмутился Змей. – Он будет в своей койке без задних ног дрыхнуть, а мы тут на трезвую голову всю ночь задницы отсиживать?!

– Дуло залепи, – многообещающим тоном посоветовал Клюв.

– В натуре, без тебя тошно, – добавил Хомяк, которому пьянка на съемной квартире тоже представлялась куда более заманчивой перспективой, чем бессонное бдение в прокуренном насквозь, остывшем и отсыревшем тесном салоне стоящего под чужими окнами в чужом городе автомобиля.

– Подождем, пацаны, – чуточку мягче сказал Клюв. Как и Хомяку со Змеем, ему вовсе не улыбалось вторую ночь подряд без толку торчать в чужом дворе, рискуя все-таки привлечь к себе внимание потенциальной жертвы. – Станет ясно, что клиент отбил, тогда и подумаем, где кости бросить.

– Вот это по делу базар, – оживился Змей. – Может, ты и прав, – добавил он рассудительно, делая ответный шаг к примирению. – Первый день на воле, без бабы – да кто ж такой праздник пропустит?! Живой ведь человек!

– Пока, – уточнил Клюв.

Змей подобострастно хихикнул, а Хомяк молча кивнул тяжелой круглой башкой, подтверждая: да, это, в натуре, ненадолго.

Снова мучительно медленно потянулось время ожидания. В окошке у клиента горел мягкий, уютный свет, по задернутым занавескам то и дело проходила его тень. Чтобы скоротать время, Змей достал потрепанную и засаленную колоду, но игра не задалась: играть, светя себе в карты мобильным телефоном, было неудобно, а включать потолочный плафон Клюв запретил, сославшись на необходимость соблюдения светомаскировки. Кроме того, окопавшийся на заднем сидении Змей автоматически получал небывало широкие возможности для жульничества, каковыми просто не мог не воспользоваться – такой уж это был человек. Когда он третий раз подряд набрал двадцать одно очко, даже Хомяку стало ясно, что на свете есть-таки вещи, которые не меняются. Уяснив это, Хомяк пообещал ловчачу повернуть башку носом к пяткам, а Клюв пригрозил лишить доли от предстоящей выручки, чем и закончилась их попытка культурно провести досуг.

Это было около десяти. До полуночи они травили малоправдоподобные байки о своих и чужих сексуальных и иных, сплошь и рядом уголовно наказуемых подвигах, с полуночи до половины первого – бородатые анекдоты, один похабней другого, а в ноль часов тридцать две минуты в квартире очкастого Глеба Петровича погас свет.

* * *

За огромным, во всю стену, окном широко раскинулась панорама вечерней Москвы. С высоты птичьего полета разлинованный цепочками огней, неровно простроченный прямоугольниками освещенных окон город был виден, как на ладони. Если прижаться лбом к холодному стеклу и посмотреть прямо вниз, можно было увидеть там, на дне двадцатипятиэтажной пропасти, вымощенный тротуарной плиткой дворик с фонтанами, клумбами, скамейками и детской площадкой. Глядя туда, Воевода некоторое время прикидывал, куда именно шмякнется, шагнув из окна. Полученные давным-давно в военном училище познания из области баллистики основательно подзабылись за ненадобностью, но и рассчитать в данном случае надо было не траекторию полета межконтинентальной ракеты или хотя бы снаряда дальнобойного

орудия. Задача была простенькая, и Воевода справился с ней в два счета. Получалось, что упадет он аккуратно на дорожку, ведущую от подъезда к центральному фонтану, почти точно между двумя скамейками, а если посильнее оттолкнуться от подоконника, то с большой степенью вероятности дотянет до детской площадки и размажется по перекладинам лестницы для лазанья.

Подумав, он решил, что сильно отталкиваться не стоит: дети, в отличие от оккупировавших скамейки старых гримз, еще не успели провиниться ни перед кем, кроме своих родителей, и никому, кроме них же, не отравили существование.

Впрочем, все это была чепуха, не стоящая выеденного яйца. Оснащенное хитроумной целевой системой проветривания окно не открывалось, стекла в нем стояли бронированные, прямо как в дорогом лас-вегасском отеле, и, не имея под рукой гранатомета или хотя бы старинного крепостного тарана, выбраться из него нечего было и мечтать.

Воевода пожал покатыми жирными плечами и, потянув за шнур, задернул тяжелые, цвета старой бронзы портьеры. Способов свести счеты с жизнью существует множество, и все они, за малым исключением, находятся в его полном распоряжении – прямо здесь, в этой квартире, в нескольких шагах от места, где он стоит. В кладовой наверняка отыщется подходящей длины кусок прочной веревки; «вечерние» таблетки жены, без которых эта истеричка якобы неспособна уснуть, лежат наготове в аптечке и в надлежащем количестве сработают надежнее любого яда. Плита на кухне стоит конвекционная, так что газ отпадает, зато в ящичке стола притаился в ожидании своего часа именной «Макаров» с золотым курком и накладками из слоновой кости на рукоятке, а на стене в гостиной висит, сверкая отполированной до зеркального блеска нержавеющей сталью, именной же «калаш» с выгравированным на врезанной в приклад красного дерева золотой пластине автографом самого главнокомандующего. Спрятанный в недрах платяного шкафа в спальне и намертво привинченный к стене сейф хранит в себе «драгуновку» с отличной оптикой и четыре гладкоствольных ружья, от укороченного помпового ремингтона до коллекционного «зауэра». Для одного выстрела в висок или в сердце этого арсенала более чем достаточно; вопрос, таким образом, заключается не в выборе способа, а в наличии или отсутствии необходимости такой крайней меры, как самоубийство.

Спора нет, пальнуть себе в башку – самый простой и легкий выход из запутанной ситуации. Но какого черта?! Какого черта он, государственный человек с блестящими карьерными перспективами, должен пускать себе пулю в лоб, испугавшись какой-то анонимки?

Возможно, все к тому и идет; возможно, именно этим все и кончится, и однажды его просто расстреляют из засады, как мишень в тире. Но к чему облегчать своим врагам жизнь, делая за них грязную работу?

Хочешь жить – умей вертеться. Народная мудрость права, но она молчит о том, что, чем усерднее ты вертишься, тем больше риск слететь с нарезки, и тем сложнее распутать то, что напутал, пока крутился волчком, прогибая под себя неподатливый мир. Правда, на эту тему есть другая поговорка, гласящая: чем круче джип, тем дальше плыть за трактором. «Джип», за рулем которого сидел Воевода, был по-настоящему крут и завез-таки его в такую трясиину, что даже непонятно, в какую сторону плыть, где искать помощи и спасения.

Позвонить Политику? Нет, вреда от такого звонка может получиться больше, чем пользы. Политик давно поглядывает на него косо и намекает, что пора менять стиль работы и жить хотя бы чуточку скромнее. А во время последней встречи прямо посоветовал умерить аппетиты, если не хочет последовать за своим бывшим шефом Сердюковым – с помпой, с громовым, на всю страну треском и с куда более печальными последствиями для себя, поскольку, в отличие от Сердюкова, хорошо осведомлен об истинных причинах недавнего громкого скандала в Минобороны.

Политик открыто пригрозил ему физической расправой – как-то иначе истолковать его слова было просто невозможно. И, если позвонить ему и рассказать об этой треклятой ано-

нимке, словесная угроза превратится в суровую реальность – шлеп, и нет тебя, словно никогда и не было. А замену тебе подберут в два счета – свято место пусто не бывает.

Нет, Политику звонить нельзя. А кроме Политика ему никто не в состоянии помочь. Теневое правительство, о котором все время талдычит этот выхолонный на бюджетные деньги старый жеребец, судя по некоторым признакам, все-таки существует. И, судя по тем же признакам, возможности у него действительно широчайшие, чтобы не сказать безграничные. Если верить Политику, он, Воевода, является полноправным членом этого теневого правительства, о существовании которого никто не догадывается, и которое, что бы ни думали крикуны из Думы и кремлевские чинуши, безраздельно правит страной по своему усмотрению. То есть, при чуточку ином раскладе Воевода был бы просто неуязвим, и на пришедшую накануне непонятно каким путем анонимку ему было бы наплевать с высокого дерева.

Но менять расклад никто не собирается, а расклад таков: только Политик знает тех, кто работает с ним рука об руку (если только они существуют на самом деле, эти неизвестные работники, а не являются плодом его большого воображения). Каждый из них, как и сам Воевода, знаком только с Политиком; каждый трудится на своем участке, курирует свою сферу деятельности, и только Политику известно, сколько их и кто они на самом деле такие. Вполне возможно, с кем-то из них Воевода не раз встречался по работе или на светских мероприятиях; более того, кто-то из его хороших знакомых и даже закадычных приятелей может, как и он, работать в одной упряжке с Политиком – а значит, и с ним, Воеводой. Но узнать это наверняка нет никакой возможности, разве что спросить у Политика, который, разумеется, даже не подумает дать любопытному дураку полный список членов организации, а просто распорядится убрать его с глаз долой.

Потому что такая повышенная секретность служит ему наилучшей гарантией безопасности. Вздумай кто-то из них заговорить – неважно, по собственной инициативе или под давлением обстоятельств, – указать он сможет только на Политика, и все, что он сумеет рассказать, будет представлять собой всего-навсего недоказуемую болтовню. И где гарантия, что тот, кому ты станешь исповедоваться, не является одним из твоих вчерашних сообщников – коллег по теневому правительству?

Разумеется, следователь, который будет вести допрос, – слишком мелкая сошка, чтобы общаться с людьми такого калибра. Но кто-то из его высоких начальников наверняка работает на Политика, курируя работу спецслужб и правоохранительных органов так же, как Воевода курирует работу министерства обороны, и полученная низовым исполнителем информация рано или поздно ляжет ему на стол. Обязательно ляжет, потому что, помимо всего прочего, он просто обязан тщательно сканировать все каналы поступления сведений в поисках именно этой информации, чтобы своевременно ее блокировать, просто-напросто уничтожив источник.

Только так, и никак иначе, потому что это информация не о разбазаривании бюджетных средств и не об очередной коррупционной схеме, а о самом настоящем антиправительственном заговоре с целью изменения существующего политического строя. Государственная измена – вот как это звучит, если прямо называть вещи своими именами. И странно, что, связавшись с Политиком и проработав с ним рука об руку долгие три года, он, Воевода, сообразил это только теперь.

Отойдя от окна, Воевода вернулся к дивану, подле которого стоял низкий столик красного дерева с богато инкрустированной крышкой. На столике виднелась почти ополовиненная бутылка коньяка, компанию которой составляли пузатый бокал и блюдечко с торопливо, вкривь и вкось, нарезанным лимоном. Отделанную ценными породами дерева и перламутром крышку испещрили многочисленные влажные отпечатки – кольцевые, оставленные ножкой бокала, и прямоугольные, от доньшка бутылки. Если бы это увидела супруга Воеводы, скандала было бы не миновать. Но супруга в данный момент отсутствовала, да и такое привычное,

обыденное явление, как скандал в ее исполнении, сейчас было последним, чего ему стоило опасаться.

Воевода тяжело опустился на диван и щедрой рукой плеснул себе коньяка. Обтянутое натуральной кожей мягкое сидение с готовностью подалось под его внушительным весом. При этом наброшенный на закругленный угол спинки китель с генеральскими погонами соскользнул и упал на пол, негромко брякнув о паркет гербовыми пуговицами и значками. Освещенная только торшером и несколькими бра большая гостиная с задернутыми шторами выглядела огромной и таинственной, как пещера Али-Бабы. Поднося к губам наполненный почти доверху бокал, Воевода криво усмехнулся: пришедшее ему на ум сравнение было, что называется, не в бровь, а в глаз. Слегка пошарив по этой квартирке, бедный арабский пастух разбогател бы так же верно, как после визита в пресловутую пещеру сорока разбойников.

Потому что, ребята, поощрять и насаждать воровство и коррупцию среди подчиненных невозможно, если не берешь взяток и не ворует сам.

Воевода плотнул коньяка и высосал ломтик лимона. А интересная получается хреновина, подумал он, вынимая из нагрудного кармана висящей на спинке стула форменной рубашки пачку сигарет и шаря свободной рукой по карманам в поисках зажигалки. Бери сам и давай брать другим – этому русского человека испокон веков учит жизнь. Но это же поначалу говорил и Политик. Фактически это была главная инструкция, которую я от него получил в начале совместной работы. Я ей следовал, и вполне успешно. Шума вокруг борьбы с коррупцией все больше день ото дня, а между тем ее уровень в армии только за последний год вырос аж в шесть раз – и это несмотря на скандал с «Оборонсервисом» и смещение Сердюкова.

То есть свою задачу я выполнял и выполняю на «отлично». И вдруг он мне говорит: умерь аппетит, пока не поздно. Если, говорит, уже не поздно. И как это понимать? Это что же, сделал дело – гуляй смело? Отработал свое – и в расход?

А иначе и быть не могло, понял он вдруг. От этого понимания где-то за грудиной снова возник неприятный, сосущий холодок. Иначе и быть не могло, потому что такова была отведенная ему роль – не пешки, конечно, а, скажем, слона, которым жертвуют, чтобы убрать с доски более мощную фигуру противника.

Фигурой этой, конечно же, был вовсе не Сердюков, который тоже с большой степенью вероятности так или иначе выполнял директивы Политика. Он выполнил свою задачу, вольно или невольно, и с треском ушел со сцены. На смену ему пришел Шойгу – популярный деятель, поднявший из руин МЧС. Предполагалось, что с его назначением то же самое произойдет и с министерством обороны, но при нем уровень воровства и коррупции в армии не понизился, а вырос, причем катастрофически. Произошло это во многом стараниями Воеводы, но суть не в этом. Шойгу – человек Путина, это известно всем. Дискредитировать его – значит дискредитировать действующее руководство страны, непровержимо доказать, что корень проблемы не в отдельно взятых исполнителях, будь то министр или вороватый управдом, а в системе. Рыба гниет с головы, но чистят ее с хвоста – вот, собственно, и все, что Политик на данном этапе пытается внушить широким массам российского электората. Сделать вонь разложения непереносимой, спровоцировать бунт, чтобы затем подавить его железной рукой и захватить власть – такова его конечная цель.

Достигнута она будет не сегодня и не завтра, и по пути к ней с рыбьего хвоста считят еще немало чешуек. Чешуйка – Сердюков, другая чешуйка – он, Воевода... Почему бы и нет? Нынешний министр обороны без боя не сдастся, а войны без урона не бывает. Воевода – фигура видная, и, когда его имя посмертно втопчут в грязь, а положение дел от этого нисколько не изменится, Политик получит еще один повод во всеуслышание сказать: смотрите, вот яркий пример того, как воплощенная в действующем руководстве страны коррупция лицемерно, напоказ борется сама с собой.

Воевода со звонким металлическим щелчком откинул крышечку дорогой бензиновой зажигалки и крутанул большим пальцем рубчатое колесико, высекая искру. Воспламенившийся фитиль расцвел треугольным лепестком огня; Воевода погрузил в него кончик сигареты, глубоко затянулся, окутавшись облачком табачного дыма, и с ненужной силой захлопнул крышку зажигалки. Поросшая рыжеватым волосом белая мясистая рука протянулась к бутылке и наклонила ее над пустым бокалом. Сделано это было чересчур энергично, часть коньяка выплеснулась мимо, и на крышке драгоценного антикварного столика в придачу к россыпи мокрых отпечатков образовалось небольшое коньячное озерцо. Кожаная обивка дивана неприятно липла к покрытой испариной голой спине, а обтянутый брюками зад так и норовил соскользнуть с нее на пол. Как любая кожаная мебель, диван был сугубо офисный и мало подходил для повседневной эксплуатации в быту: долго сидеть на нем было сущим наказанием. Но мебелировкой и декорированием квартиры занималась жена, а спорить с ней было не только крайне утомительно, но и бесполезно: идя напролом к намеченной цели, она могла превратить дом в такое пекло, в котором стало бы неуютно самому дьяволу.

Глотнув коньяку, Воевода сунул сигарету в уголок рта и, щуря от дыма левый глаз, свободной от бокала рукой опять потянулся к стулу, на спинке которого висела его форменная рубашка. Пальцы приподняли клапан накладного кармана, скользнули внутрь и нащупали сложенный вчетверо лист бумаги – ту самую записку, которую он обнаружил вчера на письменном столе в своем рабочем кабинете. Выяснить, как она туда попала, так и не удалось. Был момент, когда, покидая кабинет, Воевода уснул сидевшего в приемной референта с каким-то поручением. Референт отсутствовал на месте минут пятнадцать; и приемная, и кабинет в это время были заперты, посторонних в здании никто не видел, но по возвращении из своей недолгой отлучки Воевода обнаружил у себя на столе эту чертову бумажку.

Записка была без затей набрана на компьютере и распечатана на лазерном принтере, что автоматически исключало даже теоретическую возможность установить ее происхождение по почерку или шрифту. Отпечатков пальцев автора на бумаге, вероятнее всего, не осталось. А если бы они там и были, что с того? Показать ЭТО кому бы то ни было, будь то эксперт-криминалист, законная жена или дворник-таджик, Воевода не мог ни при каких обстоятельствах: это было равносильно самоубийству.

Чередуя глотки с затяжками, Воевода еще раз пробежал глазами текст, который и без того помнил наизусть. Это было уже не дуновение приближающейся грозы, а полновесный раскат грома, грянувший с ясного неба прямо над головой. И сейчас, хорошенько все обмозговав, Воевода вдруг подумал: а уж не Политик ли устроил ему это приключение?

Воевода подозревал, что, если и узнает ответ на этот вопрос, то лишь в самый последний миг, когда уже ничего нельзя будет исправить и изменить. Да и вопрос, если разобраться, был праздный. Когда видишь, что с крыши строящегося здания прямо тебе на голову падает кирпич, разбираться, сам он оттуда упал или его кто-то сбросил, недосуг – надо уносить ноги, пока эта хреновина не проломила тебе черепушку. А уж потом, если удастся увернуться, можно подняться наверх и поглядеть, какая это сволочь там развлекается.

Словом, по всему выходило, что приглашение автора записки придется принять. Так ли, этак ли, по собственной воле или по принуждению анонимного шантажиста – все едино, другого выхода нет. Если, конечно, не рассматривать в качестве такового самоубийство или траусиную политику выжидания: спрятать голову в песок, вообще никак не реагировать на угрозу, и будь, что будет. Что, опять же, равносильно пуле в висок.

Наросший на кончике сигареты столбик пепла обломился и упал, беззвучно рассыпавшись по драгоценной крышке стола щепоткой сероватой пыли. Приняв к сведению слегка запоздалое напоминание о такой простой вещи как пепельница, Воевода с усилием выпростался из мягких кожаных объятий дивана, протопал, слегка косолапя, на кухню и отыскал поименованный предмет. Записка все еще была у него в руке; скомкав, Воевода положил ее

в пепельницу и чиркнул зажигалкой, а потом приложился к бокалу, который тоже принес с собой. Оставшийся на дне бокала глоток не утолил ни жажды, ни тревоги. Бутылка осталась в гостинной, и, пока записка горела, трепеща тянущимися к потолку острыми коптящими язычками пламени, Воевода прогулялся туда и исправил досадное упущение.

В бутылке тоже осталось немного, и он не стал возиться с бокалом, а выпил прямо из горлышка – раз, потом другой и третий. Записка догорела, оставив в качестве напоминания о себе только кучку черных скукоженных хлопьев на дне пепельницы да отвратительный запах горелой бумаги, живо напомнивший о временах нищей армейской молодости, когда в одном на пять комнат туалете офицерского общежития приходилось жечь газету, чтобы отбить оставленную предыдущим посетителем вонь. Воевода старательно перемешал пепел черенком чайной ложки, высыпал его в раковину и пустил воду. Пенящаяся, слегка отдающая хлоркой струя с шипением и плеском ударила в хромированное жестяное дно, смывая и унося в канализацию черные намокшие свидетельства постигшей Воеводу беды – увы, только их, но не саму беду. С ней Воеводе предстояло разобраться самостоятельно. Допитый залпом коньяк подогрел решимость – подогрел недостаточно, но это-то как раз было дело поправимое.

Раздавлив в пепельнице окурки, Воевода сунул пустую бутылку в шкафчик под мойкой, выпрямился, слегка качнувшись, и сказал вслух, адресуясь к неизвестному шантажисту:

– Встретиться хочешь? Ладно, будь по-твоему! Встретимся, дружок. Только как бы тебе об этом не пожалеть!

Облеченная в пристойную, почти строго литературную форму угроза не принесла желаемого облегчения. Чтобы отвести душу, Воевода грязно, в лучших казарменных традициях выругался, а когда и это не помогло, всухую плюнул под ноги и побрел в спальню, чтобы привести себя в порядок и одеться для выхода в свет.

Глава 3

– Все, улегся, – с явным облегчением констатировал Змей, на середине фразы оборвав анекдот о некой балованной Гале. – Ну что – сперва в ночник, потом на вокзал за хатой, или наоборот – сначала хата, потом ночник?

– Пять минут, – понимая, что эта отсрочка уже ничего не изменит, сказал Клюв. – А насчет остального по дороге решим – что раньше подвернется, там и тормознем. Только, если первым попадется магазин, чур, в тачке не бухать!

– Слюной захлебнуться боишься? – поддел его Змей. – Не дрейфь, мы своих в беде не бросаем! Если что, вмажешь прямо за баранкой – впервой тебе, что ли? Самара, мусор тротуарный, в крайнем случае отмажет.

– Ему тоже не впервой, – с ухмылкой вставил Хомяк.

– Ты давай, время засеки, – продолжал Змей. – Пять минут – и ни секундой больше!

Ждать долгих пять минут компаньонам не пришлось. Дверь подъезда открылась одновременно со ртом Клюва, который хотел слегка осадить преждевременно развеселившегося Змея, и на крылечке появился клиент собственной персоной. Выглядел он как дипломат, собравшийся на официальный прием – в легком темном плаще, наброшенном поверх чего-то, подозрительно похожего на знакомый лишь по заграничным фильмам смокинг, при крахмальной манишке и галстук-бабочке, в лаковых туфлях и неизменных очках – правда, уже не солнцезащитных, а обыкновенных, в тонкой металлической оправе и с дымчатыми стеклами.

– Гляди-ка, как вырядился! – отреагировал на его появление Змей. – Вот тебе и чаек перед телевизором! Нормальный мужик – гримзу свою законную на курорт сплавил, а сам к телкам... Ну что – берем?

Клюв не успел ответить. Во двор, ослепив фарами, въехала какая-то машина, свернула на переполненную стоянку и принялась ерзать взад-вперед, ища свободное место там, где его просто не существовало. Очкастый Глеб Петрович махнул водителю рукой, давая понять, что намерен уехать; не ко времени прикатившая машина перестала ерзать, моргнула в знак благодарности оранжевыми лампами аварийки и попятилась, освободив выезд с парковки.

– Ладно, – наблюдая за происходящим, сквозь зубы процедил Клюв, – пусть пока живет. Пусть погуляет напоследок, а потом, под утро, мы его, тепленького, голыми руками возьмем.

Через две минуты черный «БМВ» неторопливо, как правительственный лимузин или ископаемый отечественный рыдван наподобие «Победы», выкатился из темного жерла внутридворового проезда на освещенную лампами повышенной интенсивности улицу. Манера вождения у Глеба Петровича была неторопливая, ровная – словом, совсем не та, что в большинстве случаев присуща владельцам мощных скоростных иномарок. Без труда поспевая за ним, Клюв вспомнил недавно увиденный по телевизору сюжет, в котором говорилось, что многие страховые компании наотрез отказываются страховать «БМВ», а те, что все-таки страхуют, делают это по сильно завышенным тарифам. Представитель одной из компаний в своем интервью объяснил это статистикой, по которой автомобили именно этой марки с такой удручающей регулярностью попадают в тяжелые ДТП, что их страхование превращается в заведомо убыточный промысел.

Но очкастый Глеб Петрович явно ломал стереотипы не только в том, что касается расцветки дорожного чемодана и выбора туристического оператора. Он вел машину так плавно и аккуратно, с такой скрупулезной точностью выдерживая разрешенную скорость, что Клюв никак не мог понять, что это: уверенная неторопливость человека, который знает себе цену и не сомневается, что его дождутся, как бы сильно он ни опоздал, обусловленная притупившимися рефлексам медлительность старпера, с тупым упорством плетущегося в крайнем левом ряду скоростной магистрали на сводящих с ума сорока километрах в час, или, быть может, трога-

тельная забота о том, чтобы он, Клюв, на своей уже немолодой «ладе» ненароком не отстал от стремительной баварской ракеты?

Последнее предположение можно было рассматривать всерьез разве что как удачную хохму, и Клюв не преминул эту хохму озвучить: клиент, мол, попался правильный, с понятием – из кожи вон лезет, чтобы не потеряться и, чего доброго, не повредить тачку, которую у него собираются отжать.

Змей, явно не забывший об обещанных ему штрафных санкциях, с готовностью заржал, а неожиданно преисполнившийся скептицизма Хомяк высказался в том смысле, что цыплят по осени считают: дескать, поглядим, как он поедет, наглотавшись в своем ночном клубе коктейлей вперемежку с таблетками!

– Как бы и впрямь тачку не грохнул, – озабоченно заключил он.

– Авось, не грохнет, раз до сего дня не грохнул, – возразил Змей. – Чего ты раскаркался, как старая ворона? Гляди, накаркаешь!

По-прежнему никуда не торопясь, Глеб Петрович провел их извилистым путем через добрую половину города и свернул в какую-то темную аллею, в дальнем конце которой брезжил неясный сквозь туман оранжеватый свет. Кроны старых деревьев смыкались в вышине, превращая аллею в заполненный лениво шевелящимся туманом тоннель. Машин здесь не наблюдалось ни в попутном, ни во встречном направлениях, и, прежде чем свернуть в эту наполненную липким сырым мраком трубу, Клюв благоразумно притормозил, давая клиенту небольшую фору. Это было рискованно, но в машине не прозвучало ни слова протеста. Все трое оставались при общем мнении, согласно которому клиент был ярко выраженный лох, но быть лохом вовсе не означает не иметь ни глаз, ни головного мозга. И то, и другое у Глеба Петровича имелось; на дороге он являл собой эталон дисциплинированности, а любой дисциплинированный, опытный водитель автоматически, не задумываясь, примерно поровну делит свое внимание между ветровым стеклом, боковыми окнами и зеркалами заднего вида, ведя непрерывное наблюдение на все триста шестьдесят градусов. Постоянно мелькающую в зеркале машину с провинциальными номерами рано или поздно заметит даже самый рассеянный мечтатель, а заметив, неизбежно задумается: с чего бы это? А от этой мыслишки уже совсем недалеко до беды: даже если не вызовет ментов, просто придавит педаль, и поминай, как звали, – на «ладе» за новенькой «бэхой» нипочем не угонишься, можно даже не пытаться.

Имея все это в виду, предусмотрительный Клюв перед поворотом погасил фары. На миг у всех, кто сидел в машине, возникло чувство полной дезориентации, как будто они очутились в межпланетном вакууме. Все вокруг мгновенно утонуло в непроглядном мраке, светились лишь далекие габаритные огни преследуемого «БМВ» да облако туманного сияния в конце аллеи. Потом в тумане вспыхнули яркие рубиновые пятна стоп-сигналов; через секунду они погасли, а вслед за ними померкли красные точки габаритов и отбрасываемый фарами световой ореол.

– Обмочился, что ли? – удивленно предположил Змей.

Клюв не стал гадать о причинах, заставивших клиента сделать остановку в этом безлюдном, неосвещенном месте. Причин могли быть сотни, а вот следствие из них вытекало одно: Глеб Петрович прибыл на конечную остановку, и дальше черный «бумер» поедет без него. Очкарику и так слишком долго везло, словно какая-то мистическая сила раз за разом отводила от него беду. Но любому везению рано или поздно приходит конец, и в жизни хозяина заказанного земляками Дерганого Шамиля «БМВ» сейчас наступил как раз такой момент.

Не говоря ни слова, Клюв надавил на газ и врубил фары, сразу же переключив их на дальний свет. В тумане, который мешал разглядеть добычу, коротко моргнули оранжевые огоньки. Клюв не усмотрел в этом ничего странного: Москва – такой город, что в нем очень быстро привыкаешь запиравать квартиру на все замки, когда выходишь на лестничную площадку к мусоропроводу, и машину, когда собираешься всего-навсего отлить на заднее колесо.

Черный «БМВ» стоял на обочине, съехав правыми колесами с асфальта на утрамбованную до каменной твердости песчано-гравийную смесь. Вплотную к дороге подступали деревья какого-то парка, в свете фар казавшегося густым и непролазным, как дремучий заповедный лес. Но, когда Клюв ударил по тормозам, стало видно, что это ложное впечатление: деревья стояли на приличном расстоянии друг от друга, а земля между ними была ровной, как стол, и на ней не росло ничего, кроме аккуратно подстриженной газонной травы.

– Да что за хрень?! – плачущим голосом воззвал к равнодушным небесам Змей. – Заговоренный он, что ли?!

Причина прозвучавшего в этом вопле отчаяния была понятна всем: клиента как корова языком слизала. Они видели пустую дорогу, стоящий на обочине «бумер», тоже пустой, закрытый и, без сомнения, поставленный на сигнализацию; залитый дальним светом фар парк просматривался метров на десять вглубь, и при желании компаньоны могли разглядеть в нем каждую веточку и каждую травинку. Чего они не видели, как ни всматривались в часток коленовых и липовых стволов, так это человека, которого твердо вознамерились лишить имущества и жизни. Он словно испарился вместе со своим смокингом, галстуком-бабочкой, дымчатыми очками и прочей амуницией.

В это мгновение Клюв впервые усомнился в том, что выбранная добыча окажется им с пацанами по зубам. Объяснить странное исчезновение клиента, оперируя привычными, обыденными понятиями, он не мог, и это его беспокоило. Вряд ли очкарик залег в траве или пустился наутек, заметив за собой слежку, поскольку это был бы самый нелепый и дурацкий способ избавиться от преследователей. Но и случайным этот фокус с исчезновением был едва ли; это было неожиданно, непонятно, а следовательно, опасно.

Со всем этим надо было кончать, и чем скорее, тем лучше. Выйдя из машины, компаньоны заглянули в салон «БМВ», оказавшийся, как и следовало ожидать, пустым, и немного пошарили в парке по обеим сторонам дороги. Тот, кого они единодушно отнесли к разряду стопроцентных лохов, пропал без следа, будто его и не было, и о том, что этот человек не приснился Клову и его бригаде, а в действительности совсем недавно сидел за рулем своей машины, свидетельствовало только ровное сухое тепло, которым тянуло от ее капота.

Прервав откровенно бесполезные поиски, они собрались около «Лады». Негромко тарахтя работающим на холостых оборотах движком и заливая дорогу ярким светом фар, она стояла в метре от «БМВ», который, словно и впрямь был заговорен, никак не давался компаньонам в руки. С ненавистью покосившись в его сторону, Клюв перевел взгляд на своих людей. Оба смотрели на него с одинаковым выражением ожидания. Он был их лидером; решение было за ним, и Клюв вдруг почувствовал, что лидерство впервые в жизни не доставляет ему ни малейшего удовольствия. Неожиданно возникшее желание предоставить очкастого Глеба Петровича его судьбе и незамедлительно отправиться на поиски другого, не столь везучего клиента было таким сильным, что Клюв едва не ему не поддавался. Но это была бы слабость, принародное проявление которой стало бы первым шагом к утрате лидерства, а к этому Клюв не был готов.

Взяв себя в руки, Клюв приступил к распределению обязанностей. Спокойствие и уверенность в себе вернулись к нему с первыми звуками собственного голоса, в котором не было и тени овладевшей им минуту назад растерянности. План дальнейших действий родился сам собой – просто сложился из слов, которые, почти не задумываясь, одно за другим произносил Клюв: ты делаешь это, ты – это, а я – все остальное. Через тридцать секунд они с Хомяком уже сидели в машине, оставив сообразительного Змея приглядывать за добычей.

Аллея привела их к ажурным кованым воротам в высоком каменном заборе. Над забором сквозь туман расплывчатыми облаками густого мрака угадывались кроны деревьев. Начинаясь от ворот мощеная цветными цементными плитами, ярко освещенная низкими газонными фонариками дорожка, плавно загибаясь вправо, терялась в глубине парка. Там, за дере-

вями, тоже горели какие-то огни, но узнать, что это за огни, не было никакой возможности: ворота были закрыты, и вышедший из сторожки при появлении «десятки» верзла в камуфляже явно не торопился их распахнуть. Широко расставив ноги в армейских ботинках и запустив большие пальцы рук за широкий офицерский ремень, он смотрел на подъехавшую машину из-под низко надвинутого козырька пятнистого кепи так, что казалось: отпусти сейчас педаль тормоза, и машина под воздействием этого тяжелого взгляда покатится назад, набирая скорость с каждым оборотом колес.

С воротных столбов на «десятку» недобро таращились камеры видеонаблюдения. Слева от ворот поблескивала надраенной медью табличка с названием расположенного тут учреждения. К некоторому удивлению компаньонов, это оказался не военный или правительственный объект повышенной секретности, а всего-навсего клуб – правда, судя по тому, как он охранялся, не для простых смертных. Другая табличка, поскромнее, сообщала, что въезд на территорию осуществляется исключительно по членским карточкам.

Членской карточки ни у Клюва, ни у Хомяка не было, причин вступать в пререкания с охраной и ломиться в запертые ворота также не наблюдалось, и, когда к первому охраннику присоединился второй, Клюв сдал назад, развернул машину и удалился тем же путем, которым приехал.

По дороге у него в голове сложилось что-то вроде цепочки, что связала в единое и, опять-таки, довольно странное целое закрытый элитный клуб с входом по членским картам, которые имеются далеко не у всех, и загадочное исчезновение в окрестностях упомянутого заведения их очкастого клиента, который вырядился в смокинг и лаковые туфли явно не затем, чтобы совершить прогулку по ночному парку. Похоже было на то, что Глеб Петрович тоже не располагал вожаденной картой, но, в отличие от Клюва и Хомяка, так рвался посетить клуб, что рискнул пролезть туда через какую-то дыру в заборе, в обход охраны и камер наблюдения. Это была еще одна странность в длинном ряду связанных с этим человеком непонятных явлений, но Клюв не стал на ней сосредотачиваться: одной больше, одной меньше – какая разница? У этих москвичей все не как у людей, и пойди, разберись, что и зачем они делают...

Примерно на полпути между воротами и тем местом, где остался «БМВ», он остановил машину и, выкопав из кармана мобильный телефон, набрал номер Паштета Самары. Клиент все время ускользал из рук, прямо как намыленный, и, по мнению Клюва, пришло самое время вызвать подкрепление.

Самара вник в ситуацию с полуслова. Особенной радости по поводу срочного ночного вызова он не выказал, а когда услышал название клуба, вблизи которого потерялся клиент, отчего-то совсем заскучал. Но Клюв напомнил ему о двух вещах – об авансе, который надлежало отработать, и об уголовной ответственности, которая в случае чего не обойдет и некоторых нечистых на руку сотрудников столичной ГИБДД, – и Паштет смирился с неизбежным.

– Ждите, буду через полчаса, – недовольно пробурчал он в трубку и первым прервал соединение.

* * *

Старый парк утонул в густом, плотном, как молочный кисель, сыром тумане. Свет вычурных, под старину, уличных фонарей на фигурных бронзовых столбах с трудом пробивался сквозь белесую пелену, почти столь же непроницаемую, как стелющийся по земле дым лесного пожара. Опутанные электрическими гирляндами кроны деревьев призрачно сияли в сырой ночной мгле, как затерянные в межгалактическом вакууме световые туманности. Туман гасил звуки, путал направления, менял местами стороны света; если бы не ощущение твердого сырого асфальта под ногами, в нем ничего не стоило перепутать верх с низом и, окончательно

утратив ориентацию в пространстве, улететь вверх тормашками в тартарары, догонять комету Галлея или какое-нибудь другое странствующее космическое тело.

Со всех сторон доносились таинственные шорохи и множественные шлепки срывающихся с мокрых ветвей тяжелых капель. Главной причиной этих звуков, как и самого тумана, была весна – долгожданная и, тем не менее, внезапная, небывало дружная и теплая, даже жаркая. В апреле на Руси всегда найдется чему таять, но нынешняя весна, казалось, твердо вознамерилась побить все климатические рекорды. Что бы ни говорили синоптики, после свирепых снежных штормов, в конце марта заваливших пол-Европы полутораметровыми сугробами, было легче поверить в наступление нового ледникового периода и скорый конец света, чем в приход тепла. Но тепло пришло, обрушившись на заметенный снегами гигантский мегаполис внезапно, как массиванный парашютный десант на тылы оккупационной армии. Обычного в средних широтах слякотного межсезонья на этот раз не случилось. Зима была застигнута врасплох, окружена и уничтожена едва ли не в одну ночь, и теперь ее бранные останки в виде почерневших, сочащихся ледяной талой водицей бугристых сугробов тихо разлагались в канавах, овражках, тенистых уголках лесопарков и прочих местах, куда редко заглядывало беспощадное солнце. Прогретая им, пропитанная влагой земля по ночам обильно потела туманом, который с заходом солнца, как по расписанию, выползал неведомо откуда, чтобы заполнить своей шевелящейся, студенистой массой каменные ущелья улиц.

Туман седыми прядями стелился над черной, как сырая нефть, неподвижной поверхностью искусственных водоемов. Над каналом, что соединял два больших пруда, был перекинут горбатый каменный мостик с ажурными перилами тяжелого литого чугуна. Четыре установленных по его углам фонаря маячили в ночи размытыми шарообразными облаками жемчужного света. Поодаль, у противоположного берега пруда, сияло еще одно световое облако; хорошенько приглядевшись, там можно было различить очертания старинного парусного судна, мачты которого, как и деревья вдоль аллей, были оплетены сетью электрических гирлянд. Парусник, разумеется, представлял собой довольно грубый макет, но сейчас, в тумане, эта дешевая имитация выглядела так, словно сошла со страниц старинного романа о морских приключениях. Летом палуба этого, с позволения сказать, корабля служила открытой верандой ресторана; сезон еще не начался, но унизанный сотнями светодиодных лампочек бутфорский такелаж сверкал, как россыпь фантастически крупных бриллиантов – на электричестве тут не сэкономили, и это, как и прочие здешние излишества, окупалось сторицей.

Откуда-то послышалось медленное, неровное постукивание подошв по сырым цементным плиткам дорожки. Поначалу оно сливалось с перестуком и шорохом капли, но вскоре шаги приблизились, и стало ясно, что это именно шаги – не слишком твердые и уверенные, как будто бредущий в тумане человек боялся оступиться или плохо себя чувствовал. Туман мешал определить направление, с которого доносились эти звуки; впрочем, коль скоро дело происходило не в сибирской тайге и не в джунглях Амазонки, а в большом столичном городе, обманутые туманом чувства могла с успехом заменить простая логика. Старый парк с богатой усадьбой, некогда принадлежавший канувшему в кровавую Лету революции графскому роду, давно поменял хозяев. Теперь здесь расположился престижный загородный клуб для VIP-персон. Территория тщательно охранялась, посторонние сюда проникнуть не могли, а значит, доносящиеся из тумана неуверенные шаркающие шаги приближались именно со стороны превращенного в фешенебельный кабак графского дома, и принадлежать они могли либо кому-то из местной obsługi, либо одной из упомянутых выше важных персон. Причем наиболее близким к истине представлялось как раз второе предположение. С учетом характера расположившегося на территории бывшего поместья заведения, неверная походка идущего почти наверняка объяснялась избыточным количеством поглощенного за ужином спиртного элитных сортов. Никто из служащих клуба, от управляющего до последнего уборщика, не позволил бы себе

допиться до такой кондиции на рабочем месте; к тому же, у персонала, независимо от самочувствия, было слишком много хлопот, чтобы убивать время, слоняясь по ночному парку.

Впрочем, в парке в этот глухой полуночный час не было никого, кто стал бы ломать голову, гадая, кого это несет сквозь туманную мглу по пустынным аллеям. Если под сенью мокрых от конденсированной влаги ветвей кто-то и находился, то он, этот кто-то, ни о чем не гадал, а точно знал, кто, откуда, куда и зачем направляется. Предложение поступило, отказаться от него было выше человеческих сил – по крайней мере, выше сил того человека, что, оступаясь и шаркая подошвами, неуверенно приближался к условленному месту встречи. Неверная походка, свидетельствующая о довольно тяжелой степени опьянения, служила идущему недурной характеристикой. От рождения и до смерти каждый из нас представляет собой всего лишь хрупкий сосуд, вместилище сложного коктейля человеческих качеств. Наследственность, среда и воспитание подавляют одни из них и делают более заметными другие. Наиболее значимыми, определяющими чертами характера того, кто приближался сейчас сквозь туман к горбтому мостику, были трусость и жадность. С годами он стал достаточно умен и опытен, чтобы удачно скрывать это от окружающих. Его считали грамотным, образованным, деловым, хватким и надежным – надежным настолько, чтобы доверять все более сложные и ответственные участки работы. Высокое доверие он оправдывал не хуже и не лучше других, но трусость и жадность никуда не делись – он не умел, а может быть, просто не считал нужным с ними бороться.

Перешедшая допустимые границы жадность сделала его уязвимым, а трусость, когда пробил час, привела в этот тихий, плачущий капелью, затянутый сырым туманом ночной парк. О государственных мужах не принято отзываться в подобных выражениях, но тот, кто, стоя в тени горбтого мостика, вслушивался в приближающиеся шаги, точно знал, что сильные мира сего не так уж заметно отличаются от простых смертных. Какие бы деликатесы ни вводили они в себя через верхний конец туловища, то, что спустя положенное время выходит наружу через нижний, пахнет немногим лучше, чем у школьного учителя или дворника, который накануне закусывал ливерной колбасой паленую водку. И те из нас, кто сделан из материала пожиже, независимо от социального статуса, в острых ситуациях ведут себя примерно одинаково – так же, как этот «ежик в тумане», не нашедший лучшего лекарства от своих горестей, чем алкоголь.

Глеб Сиверов напомнил себе, что цинизм – не лучшая из призм, через которые рекомендуется смотреть на мир. А впрочем, тут же подумал он, – это еще надо разобраться, из чьих уст и с какой целью исходят подобные рекомендации. Конечно, циник для власть имущих существо крайне неудобное. Пламенными речами его не проймешь, на квасной патриотизм не купишь и вкалывать всю жизнь за здорово живешь во имя светлого будущего не заставишь. Оставим в покое деятелей искусства, которые, между прочим, сплошь и рядом тоже хороши. Но, если говорить о специалистах – ученых, инженерах, врачах, военных, – то те из них, кто хоть чего-то стоит, суть отъявленные, прожженные циники. А уж политики по этой части играючи дадут сто очков вперед кому угодно, в этом плане президент ядерной супердержавы и духовный лидер шайки террористов ничем существенным друг от друга не отличаются.

Еще Глеб подумал, что киллеров это тоже касается – о, еще как! Особенно таких, как он – с солидным стажем работы по специальности, позволяющим претендовать на звание заслуженного. Если есть заслуженные учителя, заслуженные артисты и заслуженные деятели торговли, почему не быть заслуженному киллеру? А заслуженный киллер, если не является клиническим идиотом, просто не может не быть циником: такое мировоззрение необходимо ему для сохранения психического здоровья и душевного равновесия. Хотя цинизм, как и все на свете, хорош в меру. Если с ним переборщить, он может проесть в человеке дыру, как избыток соляной кислоты прожигает дыру в стенке желудка, вызывая язву.

Шаги звучали уже совсем близко, к шарканью подошв добавилось невнятное бормотание и неразборчивые, но откровенно воинственные возгласы: уверенный, что его никто не слышит,

ходок явно пытался подбодрить себя и настроить на решительный, боевой лад перед предстоящим трудным разговором.

Старался он напрасно: разговаривать с ним тут никто не собирался.

– Туману напустили, – едва ворочая заплетающимся языком, ворчала бредущая сквозь сырую оттепельную мглу VIP-персона. – Ничего, дайте срок, мы вас всех на чистую воду выведем! А то ишь ты – кормпр... копр... компромат, видите ли, у него! Доказа-а-ательства! Шантаржи... шантажировать он меня вздумал! Не знаешь, с кем связался, ушлепок! Я тебе покажу шантаж! Я тебе твои доказательства в такое место засуну, откуда ты их без бригады проктологов не вынешь!

Судя по производимым звукам, он был уже совсем близко. Глеб снял и убрал в карман ненужные при таком освещении очки с дымчатыми стеклами. Металлическая дужка едва слышно звякнула, соприкоснувшись с рукояткой лежащего в кармане пистолета. Досадливо поморщившись, поскольку, находясь на работе, считал любое, даже самое мелкое, проявление забывчивости весьма тревожным симптомом, агент по кличке Слепой аккуратно переложил очки в другой карман. Очки были новые, купленные всего три дня назад за очень приличную сумму, и поцарапать противобликовое покрытие линз об угловатое железо «Стечкина» Глебу не хотелось. Пользоваться огнестрельным оружием он в этот раз не собирался (хотя и предпочел бы, будь его воля, без затей пристрелить зарвавшегося казнокрада и мздоимца), а пистолет прихватил просто на всякий случай. И ему вовсе не улыбалось, когда «всякий случай» наступит – как водится, совершенно неожиданно, – вместе с оружием выхватить из кармана цепляющиеся растопыренными дужками за все, что подвернется, очки.

Он быстро прокрутил в воображении коротенький комедийный ролик из жизни киллера-неумехи. Вот он пытается лихо, по-ковбойски, выхватить из кармана пистолет, очки цепляются за ткань подкладки и, дребезжа, отлетают в сторону; пистолет тоже цепляется, вырывается из руки, падает в канал и, булькнув, уходит на дно. Несостоявшаяся жертва с жалостью и сочувствием наблюдает за манипуляциями незадачливого убийцы, а затем спокойно удаляется, оставив растяпе сто рублей на пиво и посоветовав сменить профессию...

В разжиженной светом фонарей и гирлянд туманной мгле возникло движение, и на мостик, пьяно качнувшись, вступила темная человеческая фигура. Человек этот был высок, на полголовы выше рослого Глеба, но из-за своих внушительных объемов издали казался приземистым и неуклюжим. Между лапами расстегнутого пиджака выпирало туго обтянутое белой рубашкой внушительное брюхо – именно брюхо, а не брюшко, поскольку стадию, когда в отношении нее можно было использовать уменьшительно-ласкательные суффиксы, данная часть наблюдаемого VIP-организма миновала уже очень давно. Кое-как затолканный в левый карман пиджака полосатый галстук свешивался наружу, как язык дохлой дворняги, воротник рубашки был расстегнут, и заплывший жиром двойной подбородок плавно переходил в заросшую густой рыжеватой шерстью грудь. Одутловатая физиономия, и в трезвом виде не вызывавшая особенных симпатий, в данный момент выглядела просто-напросто отталкивающе. Алкоголь парализовал мимические мышцы, уголки рта опустились, щеки обвисли, а глаза сонно и тупо тарачились на затянутый пеленой тумана мир из-под отяжелевших, так и норовящих сомкнуться век.левой рукой человек сжимал горлышко пузатой коньячной бутылки, в правой дымилась, грозя обжечь пальцы, забытая сигарета. Господину заместителю министра обороны было всего сорок шесть, и воистину бычье здоровье до сих пор позволяло ему свысока поплевать на советы и рекомендации врачей. В этом он был, несомненно, прав – по крайней мере, с точки зрения Глеба Сиверова, который точно знал, что ни рак легких, ни цирроз печени товарищу замминистра не грозят.

Правда, на службе наблюдаемый персонаж не курил и, если и выпивал время от времени, то очень умеренно и исключительно в случаях, предусмотренных протоколом. Нахождение в высокой должности автоматически предусматривает хотя бы показное следование насаждае-

мой сверху моде на здоровый образ жизни. Разрабатывая этого человека, Глеб тщательно изучил маршруты его утренних пробежек, но от мысли пробежаться трусцой с ним за компанию пришлось отказаться: жир господин генерал-полковник растрясал под чутким наблюдением целых трех телохранителей, связываться с которыми у Слепого не было ни малейшей охоты.

Поправив галстук-бабочку и одернув смокинг, Глеб бесшумно выскользнул из укрытия. Он не осуждал господина замминистра за двуличие, поскольку и сам никогда не пил и не курил, находясь при исполнении. И что с того, что мотивы для такого поведения у них разные – результат-то одинаковый!

Кроме того, причин бросить в его превосходительство камень-другой хватало и без того. Глебу не очень нравился способ, которым это решили сделать. Пьяный в стельку чинуша, который, шатаясь, поднимался сейчас на переброшенный через канал горбатый мостик, не зря распинался по поводу компромата и доказательств. Все это у Глеба имелось, причем в количестве, достаточном для того, чтобы приземлить господина генерала на нарах годков, эдак, на двадцать или двадцать пять – разумеется, с конфискацией. Из этого мог бы получиться громкий показательный процесс; Глеб не одобрял поднятую средствами массовой информации антикоррупционную шумиху, но на ее фоне решение, принятое кем-то на самом верху по делу господина генерал-полковника, выглядело особенно свежим и нетривиальным.

Предмет размышлений Глеба Сиверова уже добрался до середины мостика и остановился, повернувшись лицом к пруду, у дальнего берега которого сиял огнями обреченный от рождения до смерти торчать на приколе парусник. Некоторое время его превосходительство, заметно покачиваясь, всматривался в циферблат наручных часов, потом невнятно выругался матом, выбросил в воду погасший окурок и основательно приложился к бутылке. Пока он этим занимался, Слепой вышел на исходную, задержавшись в тени фонарного столба. В отличие от его превосходительства, он был в состоянии разглядеть стрелки на циферблате, но на часы не смотрел: как всегда в подобных ситуациях, торопливый бег времени ощущался почти физически, как будто каждая секунда, падая в вечность, издавала слышный только ему звук, похожий на звук упавшего в стоячую воду камешка. Камешки быстро-быстро падали в воду один за другим; наконец, настал черед последнего. В километре отсюда щуплый неприметный человек в рабочем комбинезоне и толстых диэлектрических перчатках открыл жестяную дверь распределительного шкафа и аккуратно поместил между контактами еще теплый трупик мыши с перебитым скобой пружинной мышеловки хребтом. Сверкнула яркая вспышка короткого замыкания, снопом брызнули красноватые искры, и в парке, а заодно и двух прилегающих к нему кварталах, разом погас свет.

– Что за черт? – недовольно произнес человек на мостике. – Этого еще не хватало!

Послышалось чирканье колесика о кремень, брызнула слабая искра, и в тумане робко расцвел оранжевый огонек. Как свечу, держа перед собой бензиновую зажигалку, толстяк повернулся кругом и вздрогнул, очутившись лицом к лицу с Глебом.

Момент был просто идеальный для того, чтобы в лучших традициях гопников всех времен и народов попросить огоньку. Но Глеб вдруг почувствовал, что не хочет ничего говорить – не здесь, не сейчас и не с этим человеком, – и ограничился тем, что сделал быстрое движение правой рукой.

– Э!.. – со смесью испуга и раздражения воскликнул толстяк, вздрогнув от короткого укола в плечо, и вдруг покачнулся.

Зажигалка звякнула, ударившись о неровную брусчатку, но не погасла. VIP-толстяк тяжело привалился поясницей к перилам, хватаясь освободившейся рукой за то место, где под могучим слоем сала скрывалось сердце. Из его перекошенного рта вырвался тяжелый хрип, бутылка выпала из помертвевших пальцев и с характерным треском разбилась вдребезги о мостовую, добавив к ночным запахам струю резкого коньячного амбре.

Умирающий качнулся еще раз, колени его подломились, и он начал сползать наземь по скользким от конденсата чугунным перилам. Глеб быстро шагнул вперед, наклонившись, принял на плечо переломившееся в пояснице тело, подхватил одной рукой под колени, словно собирался, как невесту, взять стопятидесятикилограммового генерала на руки, и с натугой перевалил через перила.

Туман под мостом лениво колыхнулся, снизу послышался тяжелый всплеск, и то, что минуту назад было генерал-полковником и одним из заместителей министра обороны могущественной ядерной державы, погрузилось в черную, как смоль, холодную воду канала.

На то, чтобы задействовать резервный генератор, персоналу клуба понадобилась всего одна минута, но этого хватило: когда в старом парке снова вспыхнули огни, на горбатом мостике уже никого не было. Лишь оброненная его превосходительством бензиновая зажигалка еще какое-то время продолжала гореть на берегу медленно испаряющейся коньячной лужи, но задолго до наступления утра погасла и она.

Глава 4

Змей сидел на молодой, но уже как минимум однажды подстриженной траве газона, привалившись спиной к стволу какого-то дерева и чувствуя, как медленно, но верно отсыревает одежда и подмокает находящийся в непосредственном соприкосновении с землей зад. Вокруг плотной стеной стоял сгустившийся туман; свет горящих у ворот клуба ярких фонарей с лампами повышенной интенсивности сюда почти не достигал, его хватало лишь на то, чтобы различать в тумане стволы двух или трех стоящих поблизости деревьев да утонувший в синевато-серой мгле неясный приземистый силуэт «БМВ».

Неподвижно сидеть на сырой земле, вглядываясь в туман и мрак и дожидаясь неизвестно чего, было и холодно, и смертельно скучно, особенно для такого непоседы, каким уродился Змей. Важность возложенной на него миссии почти ничего не меняла; она придавала этому «великому сидению» видимость необходимого действия, но не могла ни согреть, ни снять усиливающиеся неприятные ощущения в затекших конечностях и отсиженном заду.

Змей злился – в основном на клиента, непредсказуемое поведение которого превратило простое, привычное дело в какую-то тоскливую тягомотину. Другой на его месте уже давным-давно остыл бы, присыпанный землей и ветками на каком-нибудь пустыре или вот в этом парке, а этот тип продолжал непонятно финтить, раз за разом совершенно непостижимым образом уходя от уготованной ему незавидной участи. Как будто, вздумав изловить жирного домашнего кота, они вдруг обнаружили, что охотятся на шустрого стреляного воробья: ты его хвать, а он взмахнул крылышками и упорхнул.

Еще Змей злился на Клюва, который принципиально отказывался иметь дело с огнестрельным оружием, предпочитая действовать тихо, без пальбы и иного шума (а заодно, как не без оснований подозревал Змей, и без статьи за незаконное хранение и ношение). Если бы не это чистоплутьство, клиента можно было шлепнуть еще там, во дворе. И, уж если этого не случилось, оставить здесь, в парке, следовало Хомяка, которому абсолютно все равно, где сидеть, и у которого просто не хватит ума на то, чтобы соскучиться. Но нет, Клюв решил иначе, и ясно, почему: чтобы Змей не донимал его жалобами на скуку и критикой избранной тактики, которая, с какой стороны ни глянь, ну, ни к черту не годится.

На Хомяка Змей тоже злился – без какой-либо конкретной причины, а просто так, за компанию. В эти минуты он злился на весь белый свет, как злился бы на его месте любой деятельный, энергичный человек, находящийся не там, где хотел бы, и занятый не тем, чем, по его мнению, следовало бы заняться. Нарастающее чувство протеста требовало, чтобы его облекли в конкретные формы; самой доступной из этих форм, на взгляд Змея, было нарушение запрета на курение. Змей признавал этот запрет вполне логичным и оправданным, но курить хотелось все сильнее, до рассвета было далеко, и он, хоть убей, не понимал, какая сила может заставить клиента до наступления утра покинуть обнесенный высоким забором шалман для толстосумов, куда он проник с такими усилиями и риском. Ведь проник же наверняка, потому что, если нет, то где его тогда черти носят? А если не проник и до сих пор не вернулся к машине, значит, сцапала охрана – сцапала и, вместо того чтобы просто вышвырнуть за ворота, либо пришила, либо посадила под замок, чтобы утром сдать ментам.

Ну, и какого хрена тогда нужно здесь сидеть? Не на съемной хате, не в машине даже, а здесь – на сырой земле, под деревом, с которого каплет холодная роса, не имея права даже закурить или хотя бы размять ноги!

Засовывать руку в карман не пришлось – она уже была там, лаская и согревая полупустую пачку сигарет. Пальцы другой теребили одноразовую китайскую зажигалку; осталось, таким образом, всего ничего – вынуть их из карманов, вставить, чиркнуть и наслаждаться запретным плодом.

Змей вынул из правого кармана пачку, встряхнул, поймал в темноте зубами упругий фильтр и с чуть слышным шорохом вытянул сигарету из пачки, как бумажный патрон из картонной обоймы. Ноздрей коснулся аромат сухих табачных листьев, который сейчас, после вынужденного двухчасового воздержания, казался таким же будоражающим, как в те далекие дни, когда тринадцатилетний Змей делал самые первые шаги к раку легких.

Левая рука с лежащим на колесике зажигалки большим пальцем уже была тут как тут. Змей поднес зажигалку к сигарете и прикрыл свободной ладонью, собираясь высечь огонь, и в эту секунду откуда-то справа послышался тихий, едва различимый треск сломавшейся под чьей-то осторожной ногой гнилой ветки.

Змей обернулся на звук и вздрогнул от неожиданности, разглядев скользнувший в паре метров от его убежища темный силуэт – вертикальный, явно человеческий, если только это не была сбежавшая из зоопарка крупная обезьяна или какой-нибудь ходячий куст. Сигарета выпала из изумленно открывшегося рта, беззвучно канув в темноту; медленно, словно боясь спугнуть сторожкую дичь, Змей спрятал в карман зажигалку, подобрал под себя ноги и уперся ладонями в сырую землю газона.

Осознав, что едва не вскочил, он мысленно перекрестился: свят-свят-свят! Втроем, имея в авангарде могучего Хомяка, они могли одолеть почти кого угодно, но очутиться один на один с человеком, который, помимо всего прочего, умеет ходить без фонаря в кромешной темноте по ночному лесу, не производя при этом почти никакого шума, Змею как-то не улыбалось.

Темный силуэт скользнул мимо и исчез, возникнув снова рядом с «БМВ». На таком расстоянии он был едва различим и мог сойти за обман зрения, вызванный усталостью вглядывающихся в темноту глаз и подступающей дремотой. Но раздавшееся в следующую секунду короткое пиликанье и вспышка оранжевых огоньков сигнализации убедили Змея в обратном: клиент вернулся, проделав это в свойственной ему манере – тогда, когда его появления никто не ждал, и так же незаметно, как давеча пропал из глаз.

Мобильный телефон уже был у него в руке. Змей нащупал кончиком большого пальца и с силой придавил клавишу быстрого набора. Дождаться ответа он не стал: прерванный после первого же гудка вызов был условным сигналом. И, если те, кто ждал сигнала, укрывшись в тепле и уюте автомобильного салона, его проворонили, это уже их личная проблема – Змей свою задачу выполнил, сделав это, как всегда, с блеском.

Больше не имея необходимости таиться, он оттолкнулся от земли и выпрямился во весь рост. В отдалении, метрах в ста или около того, беззвучно вспыхнули яркие фары. Змей переждал прихлынувшую к затекшим ногам вместе с кровью волну колких мурашек и шагнул к дороге, на ходу вынимая из кармана свое излюбленное оружие – баллончик с перцовым газом.

Вслед за фарами в темноте зажглись красно-синие огни полицейской мигалки. Тоскливо мякнула сирена, созвездие разноцветных огней двинулось с места и начало стремительно приближаться.

«Ну, вот и началось», – понял Глеб Сиверов, вместе со знакомым ощущением адреналинового выброса почувствовав не менее знакомое облегчение: неизвестность подошла к концу, вот-вот должна была наступить полная ясность.

Он вставил ключ в замок зажигания и запустил двигатель, но трогать машину с места не стал. Интуиция опытного агента, которую даже такой заядлый скептик, как генерал Потапчук, неоднократно вслух признавал граничащей с ясновидением, подтверждала то, что видели глаза: полицейская машина была всего одна, а значит, это был не захват. Чтобы устроить на Глеба засаду, о нем многое нужно было узнать. А все, что гипотетический противник мог разнюхать об агенте по кличке Слепой, должно было убедить его в том, что попытка арестовать этого человека, не заручившись поддержкой хотя бы взвода спецназа, есть не что иное, как неоправданно трудоемкая разновидность самоубийства. Ну, или, как минимум, пустая трата времени, сил и нервов.

Полицейская машина подлетела на полном ходу, резко вильнула к обочине и стала как вкопанная, преградив путь вперед. Снисходительно улыбнувшись, Глеб на всякий случай переключил «Стечкин» с глушителем из кармана плаща в специальный держатель под приборной доской, откуда его было легко достать, и переключил автоматическую коробку передач на задний ход. Теперь ему достаточно было просто нажать на газ, чтобы в два счета оставить «продавцов полосатых палочек» с носом. Даже если водитель останется за рулем, его напарнику потребуется какое-то время, чтобы вернуться в салон, и этой крошечной форы «БМВ» Глеба будет достаточно, чтобы оторваться от полицейского «форда».

Снисходительная улыбка погасла, сменившись недовольной гримасой, когда из зеркала заднего вида прямо в глаза ударил яркий свет неожиданно включившихся фар еще одной машины. Судя по всему, ее водитель врубил наружное освещение уже на ходу; прием был до боли знакомый, и Глеб не удивился, разглядев в рубиновых отсветах собственных габаритных огней стремительно вынырнувший из темноты и приблизившийся вплотную ростовский номерной знак.

Приказ ликвидировать потерявшего берега и окончательно проворовавшегося заместителя министра, вместо того чтобы сделать его фигурантом показательного судебного процесса, с самого начала показался Глебу странным. Отдавая его, Федор Филиппович был подчеркнута сух и официален, из чего следовало, что идея принадлежит кому-то другому и ему, генералу Потапчуку, тоже представляется, мягко говоря, не самой удачной. Он много раз отдавал подобные приказы, прибегая к этой крайней, хирургической мере тогда, когда считал огласку нежелательной или не видел способа доказать вину объекта предстоящей ликвидации. Но в данном случае доказательств с лихвой хватило бы на три пожизненных срока, а что до огласки, то на фоне непрекращающегося скандала, связанного с коррупцией в вооруженных силах, высшее руководство страны сочло бы ее несомненным благом. Откровенно говоря, полученный приказ наводил на мысль не столько о справедливой каре, постигшей мздоимца и казнокрада, сколько о чьей-то попытке замести уводящий в заоблачные выси след.

Есть теория, согласно которой исполнителя в подобных щекотливых случаях надлежит ликвидировать сразу же по завершении работы. Теория эта подтверждена многолетней, чтобы не сказать многовековой, практикой. Применить эту практику к Глебу Сиверову уже пытались – не так, чтобы очень часто, но все-таки пытались. В мысли об очередной попытке не усматривалось ничего странного, но вот способ, которым ее решили осуществить, был выбран такой, что страннее некуда.

Отметив про себя, что на протяжении последних суток мысленно повторяет это слово – «странно» – с упорством попугая, убеждающего окружающих в том, что «Гоша хороший», Глеб опустил оконное стекло слева от себя.

Пока полицейский неторопливо, вразвалочку шел к нему от своего сине-белого «форда», Глеб успел хорошенько его разглядеть, уделив основное внимание не лицу и фигуре, которые его, в общем-то, не интересовали, а форме. Форма с виду была в полном порядке – не маскарадный костюм ряженого, а рабочая одежда сотрудника ДПС со всеми полагающимися аксессуарами – нашивками, шевронами, значками и номерной бляхой служащего дорожной полиции. Патрульный был в машине один, что представляло собой очередную странность, которая, впрочем, неплохо укладывалась в общую картину. Полосатый светящийся жезл доблестный страж порядка почему-то держал в левой руке, а правая красноречиво лежала на клапане растегнутой кобуры.

«Десятка» цвета «электрик» с ростовскими номерами стояла в паре метров позади «БМВ», негромко урча работающим на холостых оборотах мотором и слепя дальним светом фар. Она остановилась почти на том же месте, что и два с половиной часа назад, когда ее браво экипаж шарил вокруг, что-то ища в темном парке – не иначе как Глеба, который, стоя за деревом, с любопытством и растущим недоумением наблюдал за их манипуляциями. Сей-

час их было уже не трое, а всего двое. Поискав глазами, Глеб обнаружил третьего. Он стоял справа, прячась за деревом, совсем как давеча сам Глеб, на границе света и тени, где человеку с обычным зрением было бы не под силу его разглядеть. Оружия Глеб не увидел – человек за деревом то ли почему-то медлил его доставать, то ли просто не имел.

Отметив про себя, что чудеса продолжаются, он поднял глаза и вопросительно воззрился на подошедшего патрульного.

– В чем дело, командир? – поинтересовался он. – Стоянка здесь, вроде бы, не запрещена... Только не говорите, что я, стоя на месте, превысил максимально допустимую скорость!

– Выйдите из машины, – хмуро потребовал патрульный.

– Даже документики не проверите? – изумился Глеб и, делая последнюю попытку уладить конфликт мирным путем, протянул в окно развернутое удостоверение.

Удостоверение было выписано на имя полковника ФСБ Федора Петровича Молчанова, и в тех редких случаях, когда Глеб считал необходимым его предъявить, неизменно производило на взяточников в форме примерно такое же воздействие, как ладан – на шkodливого черта.

Наблюдаемый в данный момент представитель упомянутой породы млекопитающих испугался удостоверения даже сильнее своих сородичей. Он бросил беспомощный и одновременно злобный взгляд в сторону «десятки», и вид у него при этом сделался как у человека, которому до смерти хочется задать стрекача, и который не делает этого только потому, что понимает полную бесполезность такого маневра.

– Из машины, я сказал! – черпая уверенность в повышенном тоне, почти провизжал он и рывком выдернул из кобуры пистолет.

– Вот так и стой, – дружески посоветовал ему Глеб, левой рукой аккуратно поворачивая дверную ручку.

Патрульный подчинился, как замороженный, играя в гляделки с направленным ему в живот «Стечкиным». Перед тем как открыть дверь, Глеб напоследок посмотрел в зеркало заднего вида.

Двое из «Лады» уже стояли на дороге. Водитель держал в руке нож, который отливало кровавым блеском в свете задних фонарей «БМВ», а его здоровенный напарник, явно полагаясь на мощь своих пудовых кулаков, и вовсе не счел необходимым вооружиться. Третий осторожно приближался справа, и Глеб с удивлением разглядел в его правой пятерне небольшой цилиндрический предмет, который не мог оказаться ничем, кроме газового баллончика.

Все еще отказываясь верить своим глазам, Сиверов распахнул дверцу и выпрямился во весь рост. Пистолет он старался держать так, чтобы тот был виден только попятившемуся патрульному.

– Вы чего, мужики? – слегка дрогнувшим от умело разыгранного испуга голосом спросил он. – Что вам нужно?

– Что ж ты такой тупой-то? – с уверенной неторопливостью двигаясь на него и красноречиво поигрывая ножом, сказал водитель в матерчатой кепке. – Тачка нам твоя нужна, чучело! А ну, отошел в сторону и грабли в гору!

– Живее, козел! Не слышал, что тебе сказали? – подгавкнул справа, из парка, белобрысый шкет.

– Ребята, вы это серьезно? – непритворно изумился Слепой.

– Серьезней некуда, – с угрозой подтвердил круглоголовый здоровяк.

– Линяйте, пацаны! – неожиданно выкрикнул патрульный, который лучше всех присутствующих, включая Глеба, понимал, что происходит и чем все это может кончиться. – У него ство...

Реагируя на его резкое движение, Глеб спустил курок. «Стечкин» негромко хлопнул, и крик оборвался на полуслове. Немая сцена длилась какие-то доли секунды, но этого оказалось достаточно. Патрульный еще падал, когда Глеб свободной рукой вывернул из его мертве-

ющей ладони пистолет, снял с предохранителя и взвел курок. «Макаров» оказался снаряженным полностью – восемь в обойме, один в стволе, – и, когда Слепой, вскинув руку, нажал на спусковой крючок, тишину пустынной аллеи разорвал показавшийся оглушительным хлопок выстрела. Вожак в матерчатой кепке упал почти одновременно с патрульным, выронив нож; Сиверов плавно сместил ствол немного левее и выстрелил снова. Громоздкий Хомяк умер, так и не успев что-либо понять и испугаться, и опрокинулся навзничь на жесткое песчано-гравийное ложе, подняв хорошо заметное в свете фар облако пыли.

Глеб быстро развернул корпус на девяносто градусов и поверх крыши «БМВ» выстрелил в темноту ночного парка. Пуля попала улепетывающему со всех ног Змею в затылок, и он умер на бегу. Двигающееся по инерции на подгибающихся ногах мертвое тело сделало еще два неверных, заплетающихся шага, налетело на ствол дерева и боком рухнуло в траву.

Все кончилось, едва успев начаться. Опустив дымящийся пистолет, Глеб огляделся и прислушался. Вокруг стояла тишина, нигде, в том числе и у ворот клуба, не наблюдалось ни малейшего шевеления. Это, впрочем, еще ничего не означало. Охране клуба было незачем со всех ног мчаться на звуки выстрелов, достаточно было просто позвонить в полицию, до прибытия которой Глебу хотелось еще многое успеть.

Не теряя времени, он приступил к делу. Тщательно удалив с обоих пистолетов отпечатки пальцев, он вложил табельный «Макаров» в еще теплую ладонь хозяина, а «Стечкин», из которого его застрелил, втиснул в сведенную предсмертной судорогой пятерню здоровяка, который изумленно смотрел в затянутое туманом ночное небо целыми тремя глазами – двумя, данными ему от природы, и третьим, благоприобретенным только что, пустым и мертвым, расположенным почти точно между первыми двумя. Подобрал с асфальта, Глеб положил рядом с телом Хомяка единственную стреляную гильзу от «Стечкина». Любимого пистолета было жаль, но созданная несколькими уверенными штрихами ложная картина произошедшего того стоила: она получилась вполне достоверной, и агенту по кличке Слепой с его черным «БМВ» в этой картине места не было.

– Идиоты, – с чувством произнес он, усаживаясь за руль. – Машина им понадобилась!

Круто вывернув колеса, он подал машину вправо, к самому кювету, затем, до отказа выкрутив руль влево, сдал назад, выбравшись из устроенного машинами грабителей капкана. Здесь он развернулся, задев колесами противоположную обочину, и поехал домой, не удостоив прощальным взглядом оставшиеся в темной пустынной аллее «десятку» с работающим двигателем и включенными фарами и полицейский «форд», мигалка которого продолжала беззвучно и бесполезно пронзать синими и красными вспышками густой предутренний туман.

* * *

Они стояли на середине горбатого мостика, переброшенного через узкий канал, что соединял два искусственных водоема. Утренний туман уже рассеялся, в безоблачном, повесенному ярко-голубом небе сияло ничем не затененное солнце, в лучах которого ослепительно сверкали фальшивой позолотой рельефные латинские буквы на носу пришвартованного у дальнего берега парусника. Они складывались в название «Fortune»; «Фортуна» стояла не на той стороне, но людей на мостике это не беспокоило: настоящая фортуна была с ними, поскольку оба давно овладели тонким искусством общения с этой капризной особой.

Слева над подернутыми легкой зеленоватой дымкой распускающейся листвы кронами парковых деревьев виднелась крытая синей металлочерепицей крыша графской усадьбы. При дневном освещении старый парк не лишился своего очарования, но налет ночной таинственности исчез без следа. Битое бутылочное стекло уже смели с брусчатки, лишь в выемках между шероховатыми гранитными торцами блестяла на солнце мельчайшая стеклянная крошка. Машины следственной и санитарной бригад давно уехали, об их присутствии теперь напоминал

лишь обрывок полосатой желто-черной ленты, которой в последние годы российские правоохранители по примеру западных коллег повадились обносить место преступления. Он свисал с ветки прибрежного куста, издавек похотий на чей-то потерянный шарф, и легкий ветерок играл его свободно болтающимся концом, пока тот не запутался в ветках.

От ветра по зеленоватой воде стоячего пруда бежала легкая рябь, на которой покачивался прибитый к берегу растительный мусор. Правее мостика в бурой массе гниющей органики отчетливо белел плавающий фильтром кверху, как рыбацкий поплавок, окуроч. Судя по золотому ободку, который был хорошо различим даже на таком расстоянии, сигарета была не из дешевых, и Андрей Родионович неожиданно уверился в том, что эту сигарету незадолго до смерти выкурил и выбросил в канал тот, кого через час после рассвета увезли в ближайший морг в глухом жестяном кузове санитарного микроавтобуса. С учетом продолжительности пребывания окуроча в воде доказать или опровергнуть это представлялось делом затруднительным, если вообще выполнимым. Более того, в этом не было никакой необходимости: какая, в самом деле, разница, успел приговоренный выкурить свою последнюю сигарету или не успел? Но размокший бычок притягивал взгляд так же властно и неодолимо, как сильный магнит притягивает железную иголочу, и чем долше Андрей Родионович Пермяков на него смотрел, тем сильнее укреплялся во мнении, что золоченый фильтр до сих пор хранит на себе следы ДНК безвременно почившего замминистра обороны.

Говорить об этом вслух он, естественно, не стал, поскольку считал, что специалистов по части бесполезного сотрясения воздуха на свете с лихвой хватает и без него. Один из них в данный момент находился в непосредственной близости, прямо за правым плечом Андрея Родионовича, который, засунув руки в карманы легкого плаща, стоял у ажурных перил литого чугуна. Специалиста звали Иваном Сергеевичем, фамилия его была Буров; при определенных обстоятельствах он отзывался на известную крайне ограниченному кругу лиц кличку. К слову, кличка его была вовсе не «Бурый», поскольку получил ее Иван Сергеевич не в школе, не в армии и не в местах лишения свободы, а в совсем других местах, куда так называемому электорату вход строжайше воспрещен. Поговорить Иван Сергеевич действительно любил; при желании его ораторский талант можно было рассматривать как недостаток – довольно серьезный, но вместе с тем простительный, поскольку генерал Буров умел работать не только языком, причем умел так, как умеют немногие.

– Вон там, – показывая рукой, говорил Буров, – у самого устья канала, ближе к правому берегу, он и плавал. Мордой вниз, руки крестом. . .

– Да, я видел фотографии, – заткнул бьющий из генерала фонтан избыточной информации Пермяков.

– Откуда? – изумился, было, Иван Сергеевич, но тут же спохватился: – А, ну, да. Конечно.

Андрей Родионович вспомнил цветные, излишне красочные и натуралистичные фотографии, которые сегодня утром, в самом начале рабочего дня, легли ему на стол – вернее сказать, на монитор его персонального компьютера, который в последнее время стал настолько удобным и незаменимым инструментом любого руководителя, что трудно было не думать о том, насколько эта штука опасна. На фотографиях все было именно так, как рассказывал Буров: серые пряди редеющего тумана над свинцовой водой, а в воде – плавающее лицом вниз грузное тело в промокшем насквозь вечернем костюме, с руками и ногами, раскинутыми в стороны так, словно человек пытался изобразить знаменитый рисунок Леонардо или не менее известную людям среднего возраста эмблему – знак качества СССР. Еще фотограф зачем-то снял разбитую бутылочу «хенесси экс-о» и отдельно, крупным планом – лежащую рядом с лужицей дорогого элитного пойла бензиновую зажигалочу в подернутом радужной поволокой окалина металлическом корпусе. Судя по этой окраске, зажигалоча горела, лежа на земле, пока в ней не кончился бензин. Можно было предположить, что смерть застигла покойного замминистра в то мгновение, когда он пытался прикурить очередную сигарету. Но размокшая в

кисель пачка лежала в кармане пиджака, незажженной сигареты ни на мосту, ни в воде вблизи него не обнаружили, и это, с точки зрения Андрея Родионовича, был прокол – микроскопический и притом, судя по всему, единственный, но все-таки прокол.

– Вскрытие? – не поворачивая головы, поинтересовался он.

– Произведено, – сказал Буров. – Ввиду особой важности дела, непосредственно в лаборатории института криминалистики ФСБ. Результат не вызывает сомнений и не поддается двойному истолкованию. Он умер от обширного инфаркта и в канал упал уже мертвым – в легких не обнаружено ни капли воды. Следов борьбы или насилия тоже не обнаружено, зато уровень алкоголя в крови буквально зашкаливает – честно говоря, мне, лично, непонятно, как он вообще сюда добрал. Короче говоря, никто не сомневается, что налицо несчастный случай – досадный, прискорбный, но никоим образом не выходящий за рамки обыденных представлений. На сердце он никогда не жаловался, но, как говорится, до поры кувшин воду носит. Работа нервная, напряженная, а тут еще и выпил лишнего – далеко ли до беды? Перепил, вышел освежиться, тут его и прихватило...

– Освежиться? – мгновенно вычленил слабое звено в цепи его рассуждений Андрей Родионович и, чтобы было понятнее, демонстративно посмотрел в сторону синюющей над верхушками деревьев крыши.

До здания клуба было метров сто – пустяк для неторопливой прогулки при солнечном свете, но многовато для лишенного романтической жилки человека, бредущего на непослушных ногах сквозь холодный ночной туман. Буров понимающе кивнул.

– Конечно, есть и другая версия, – сказал он. – Она косвенно подтверждается показаниями свидетелей...

– Ммм?... – вопросительно, с оттенком неудовольствия протянул Пермяков, которому не понравилось слово «свидетели».

– В клубе его видели многие, – пояснил генерал. – Он был здесь завсегдаем – делил вечернее время между баром и бильярдом, а когда уставал, садился за карточный стол. В бильярдном зале его вчера не видели вообще, а партнеры по картам в один голос утверждают, что он непривычно много пил, был рассеян и заметно чем-то озабочен, даже удручен. Все время поглядывал на часы, а потом на середине партии просто бросил карты на стол, поднялся и, даже не извинившись перед партнерами, вышел из зала в обнимку с бутылкой коньяка. Все это позволяет предположить, что в парке у него была назначена какая-то встреча. Причем, судя по поведению, встреча не из приятных.

– Вот, – с горьким удовлетворением произнес Пермяков. – А ты говоришь: несчастный случай...

– Встреча вряд ли состоялась, – возразил Буров. – По крайней мере, охрана посторонних не видела, и камеры слежения ничего подозрительного не зафиксировали. Не обнаружено ровным счетом ничего, что свидетельствовало бы о присутствии здесь, на месте происшествия, кого-то еще. Поэтому поведение нашего... гм... потерпевшего можно толковать как угодно. Оно могло объясняться сотней вполне обыкновенных причин бытового характера: ссора с женой, неприятности на службе... Медики, например, утверждают, что беспричинная тревога и подавленное настроение весьма характерны для предынфарктного состояния, когда пациенту еще кажется, что он здоров, а организм уже намекает, что это не совсем так.

– Значит, несчастный случай? – подозрительно ровным тоном переспросил Андрей Родионович. – Что ж, если смотреть сквозь пальцы, с этим можно согласиться. Ну, а что наше многумудрое следствие говорит по поводу зажигалки?

– Зажигалки?..

В голосе генерала Булова прозвучало искреннее недоумение, и Андрей Родионович, даже не глядя, как наяву, увидел его удивленно приподнятые брови. Была у него такая манера – подчеркивать эмоции, которые желал продемонстрировать окружающим, немного преувели-

ченной, почти гротескной мимикой. Да, спора нет, он был прирожденный оратор, а значит, еще и недурной драматический актер – как, впрочем, и полагается не только пламенному трибуну, но и уважающему себя и уважаемому другими шпиону.

– Зажигалки, Иван Сергеевич, зажигалки, – нетерпеливо повторил Пермяков. – Мы с тобой знакомы не первый год, не один пуд соли на двоих съели. Так неужели же ты думал, что я могу поверить на слово – неважно, тебе или кому-то другому?! Неужели ты вообразил, что я поленюсь изучить улики, собранные на месте преступления? Я говорю о зажигалке Шиханцова – той самой, с которой он не расставался уже лет пять. Она лежала вот здесь, прямо на этом месте, и, судя по некоторым признакам, горела до тех пор, пока в ней не кончился бензин. Закурить собирался? Возможно! Но возможно и другое. Ты ни словечком не обмолвился об отключении электроэнергии, которое произошло буквально через десять минут после того, как Шиханцов покинул здание. И представляется вполне вероятным, что зажег он ее именно в тот момент, когда погасли фонари. Зажег, чтобы в потемках не сверзиться с моста, и выронил горящую – выронил, надо полагать, потому, что умер. Электричества не было минуту или около того, и в этот коротенький промежуток времени наш приятель, очень кстати оказавшийся там, где его никто не мог увидеть, благополучно откинул копыта. Не слишком ли много совпадений для простого несчастного случая?

– Это что – выговор? Фитиль в задний проход, чтоб служба медом не казалась? – Буров подошел к Андрею Родионовичу и стал рядом, облокотившись о перила. Он был невысокого роста, худощавый, русоволосый, с располагающим, обманчиво простодушным лицом деревенского балагура и безобидного сплетника. – Не узнаю тебя, Андрей Родионович! Стареешь, что ли? Раньше, бывало, пашку наголо и марш-марш – или грудь в крестах, или голова в кустах. А теперь придираешься к каким-то мелочам, как какой-нибудь замшелый крючокотвор: зажигалка, совпадение... Да ты поставь себя на место тех, кто ведет расследование! Следов борьбы нет, свидетелей нет, мотивов нет, угроз в его адрес не поступало... А что есть, так это ночь, туман, состояние тяжелого алкогольного опьянения и вызванный оным обширный инфаркт, подтвержденный светилами отечественной патологоанатомии. И кто при таком раскладе станет глубоко копать? И что он, по-твоему, выкопает? А я тебе скажу, что. Дохлую обугленную мышь, вот что!

– Ну-ну, поспокойнее, Иван, – с легкой полуулыбкой посоветовал Пермяков. – Не кипятись, ты уже не мальчик. И побереги свои метафоры для митинга ветеранской организации.

– Метафоры... – Буров щелчком выбил из пачки сигарету и принялся ощупывать карманы в поисках зажигалки. – Метафоры, – повторил он сквозь сжимающие патентованный угольный фильтр, чересчур ровные и белые для того, чтобы быть настоящими, зубы. – Никаких метафор, Андрей Родионович. Просто ты не слишком внимательно изучил материалы дела. Или твои халдеи не обо всем тебе доложили. Дохлая мышь – это не метафора, а просто мелкий грызун, которого угораздило забраться в распределительный шкаф и замкнуть собой контакты. Такая, понимаешь ли, разновидность самодельного электрического стула...

Теперь настал черед Андрея Родионовича удивленно задирать брови.

– Мышь? Какого дьявола ей понадобилось в трансформаторной будке? И как она в шкаф залезла?

– Самая обыкновенная мышь, – прикуривая, кивнул Буров. – А что тебя удивляет? Помню, в молодости, когда с женой по съемным квартирам скитались, был у меня похожий случай. Она меня просит: духовку, мол, зажги. Ну, я открываю дверцу, а из отверстия, куда спичку подносить надо, чтоб в духовке газ загорелся, мышьяная голова торчит – застряла, и ни вперед, ни назад.

– И?... – заинтересованно скосив глаза в его сторону, спросил Пермяков.

– Ну, пока я думал, как с ней быть – сам понимаешь, и жалко бестолочь хвостатую, и духовку загаживать неохота, – она с перепугу дернулась посильнее, и поминай как звали...

У меня тогда, помнится, те же вопросы возникли, что и у тебя: какого лешего она там потеряла и как туда забралась? И спросить не у кого – вчерашняя в уголок превратилась, та, моя, сбежала. . . Так что напрасно ты, Андрей Родионович, к мелочам цепляешься. Подавляющее большинство трагедий происходит в результате нелепейших случайностей и дурацких совпадений. Помнишь, как у американцев шатл на взлете рванул из-за того, что от обшивки кусочек отвалился? Тогда много болтали о диверсии, но это не подтвердилось. Там была обыкновенная халатность, недосмотр технического персонала. А тут даже в халатности обвинить некого: к каждой московской мышке по конвоиру не приставишь. В общем, дело еще не закрыто, иначе это был бы абсолютный рекорд скорости, хоть ты в книгу Гиннеса его заноси. Но закроют его в ближайшие дни, а возможно, что и часы. Все шито-крыто, Андрей Родионович – как говорится, комар носа не подточит.

– Н-да?

– Не «н-да», а так точно. И именно это меня сейчас больше всего беспокоит.

Откуда-то послышалось скрипучее карканье вороны. Ее хриплые крики следовали один за другим с монотонной размеренностью метронома, как будто серая королева московских помоек вообразила себя кукушкой и вздумала накуковать кому-то небывало долгий век. Налетевший ветерок снова наморщил водную гладь; плавающий торчком окурочок с золотым ободком вокруг фильтра качнулся пару раз, а потом тонкая папиросная бумага расклеилась, разбухший табак неотличимо смешался с остальным мусором, а освобожденный от груза фильтр горизонтально лег на воду. Мелкая волна накрыла его бурным ивовым листом, смотреть стало не на что, и Пермяков с облегчением отвел взгляд.

– Объяснись, – потребовал он.

– Охотно, – попыхивая дымком, сказал Буров. – Следствие может думать все, что ему заблагорассудится. Но мыто с тобой знаем, что это никакой не несчастный случай, а результат чьей-то виртуозной, я бы даже сказал филигранной, работы. Согласен, иначе нам нельзя, и я погорячился, когда напомнил тебе о лихой молодости: шашки наголо и так далее. Рисковать мы теперь не имеем права, но все хорошо в меру, в том числе и осторожность, и профессионализм.

– Меру надо знать во всем, даже в чувстве меры, – иронически усмехаясь, ввернул старую английскую поговорку Андрей Родионович. – К чему это ты, не пойму.

– К тому, что мы оба хорошо знали Шиханцова, – сказал Иван Сергеевич. – Плакать о нем я не собираюсь, он был дерьмо, слизняк. Но именно потому, что он был тем, кем был, обстоятельства его смерти меня настораживают. Не вызывает сомнений, что сюда, к пруду, он забрел не просто так. Ему назначили встречу, и он не посмел проигнорировать приглашение, хотя, судя по поведению в клубе, приходить сюда не хотел – попросту говоря, боялся. Не хотел, боялся, но все-таки пришел, изрядно приняв на грудь для храбрости. Знал, что ничего хорошего его тут не ждет, но явился один, без охраны, хотя обычно даже в сортир без вооруженного до зубов эскорта не ходил.

– Намекаешь на шантаж? – хмурясь, спросил Пермяков.

– Я не намекаю, я прямо говорю: его заманили сюда шантажом. Причем шантаж был такого свойства, такой силы, что он послушно, на задних лапках, пришел туда, куда ему велели. Ночью, один, без охраны. . . И ведь он был не проворовавшийся завмаг, не мелкий подкаблучник, которого уличили в супружеской измене, а. . . Сам знаешь, кто. Чтобы так плотно его прижать, кто-то должен был очень основательно поработать и многое о нем разузнать. Ты представляешь, до чего этот работяга мог докопаться, исследуя его биографию и связи?

Андрей Родионович покашлял в кулак и демонстративно помахал ладонью перед лицом, разгоняя дым, который на самом деле вряд ли так уж сильно его беспокоил.

– Да уж, – медленно проговорил он. – А я-то, было, решил, что ты от большого ума парадоксами развлекаешься: слишком хорошо – уже нехорошо, и так далее. А дело-то и впрямь скверное. Жаль, что нельзя было просто, без затей, вышибить ему мозги.

– Что пнем по сове, что совой об пень – сове все равно, – сказал на это генерал Буров. – Если бы его пристрелили, непременно возник бы вопрос: за что? И не сегодня, так завтра какой-нибудь ретивый умник мог докопаться до правильного ответа.

– Ну да, – саркастически кривя рот, согласился Пермяков. – Поэтому Шиханцова решили убрать тихо, без кровавых луж на асфальте, мозгов на штукатурке и общественного резонанса. Поручили это дело надежному человеку, настоящему профессионалу, и тот, придумывая, как подобраться к клиенту, проделал ту же самую работу, что и твой гипотетический ретивый умник. Превосходно! Вот уж, действительно, горе от ума. Ну, и что ты в связи со всем этим предлагаешь?

– Предлагать быть проще, не изобретать велосипед и не чесать правое ухо левой рукой из-под через правое колено, полагаю, уже поздно, – в тон ему ответил Буров. Он знал, что играет с огнем, но это был тот случай, когда выбирать меньшее из зол не приходилось: слова не имели значения, важен был результат – вот именно, или пан, или пропал. – Возможно, все это не более чем наши домыслы. В конце концов, исполнитель мог использовать в качестве приманки бабу... или сам он баба, этого добра у нас в органах с давних пор хватает, и работают они, да будет тебе известно, сплошь и рядом куда эффективнее мужиков. Но гадание на кофейной гуще для нас с тобой нынче – роскошь непозволительная. Посему считаю необходимым принять превентивные меры, а именно: выяснить, кто конкретно организовал для нашего Гены Шиханцова этот несчастный случай.

– И?.. – повторил Андрей Родионович.

– Дальнейшее будет зависеть от того, что мы узнаем, – сказал Буров. – Говоря без экивоков, от личности того, на кого выйдем. Посмотрим, насколько этот человек пригоден для дальнейшего использования, и либо привлечем к работе, либо...

Он красноречиво шелкнул ногтем по тлеющему кончику сигареты, сбив пепел за перила, в канал. Белесый столбик, кувыркаясь и разваливаясь в падении на части, достиг поверхности воды, коснулся ее, мгновенно потемнел и ушел в непрозрачную глубину. Ворона коротко каркнула в последний раз и замолчала, будто поперхнувшись. Послышалось хлопанье крыльев, и Андрей Родионович краем глаза заметил темный птичий силуэт, который, поднявшись из гущи колышущихся ветвей, с обманчивой неторопливостью удалился в направлении недалекой отсюда Кольцевой.

– Черт, – сказал Андрей Родионович с досадой, – до чего же все это не вовремя! Не хочется отвлекаться на пустяки, но, видимо, ты прав: отвлечься придется, пока пустяк не перерос в неразрешимую проблему. Займись этим, Иван Сергеевич. Лично займись, чтоб никаких сомнений, чтобы наверняка...

– Уже занимаюсь, – сообщил Буров. – Думаю, результат мы получим не позднее вечера, в крайнем случае – завтрашнего утра. Ты хочешь сам принять решение?

– Нет уж, уволь, – отказался от этого предложения Пермяков. – У меня своих дел предостаточно. Это твоя епархия, тебе и карты в руки. Не могу же я, согласись, в одиночку решать все за всех! Грош цена тому руководителю, который пытается работать за подчиненных. Дело у нас общее, и я уверен, что ты выберешь оптимальный вариант, который пойдет на пользу именно делу, а не... гм... кому-то еще.

Иван Сергеевич сдержанно фыркнул.

– Об этом можешь не беспокоиться, – сказал он. – Ты сам организовал все таким образом, что личные интересы каждого из нас полностью совпадают с тем, что мы считаем интересами общества. Должен признаться, это очень удобно.

– Уж сколько лет твердили миру, что лезть гнусна, вредна...

– Да все не впрок, – подхватил Буров.

– В общем, да, – подумав секунду, согласился с классиком Пермяков.

Они немного посмеялись – два уже немолодых, отлично одетых, холеных, облеченных немалой властью господина на горбатом каменном мостике, построенном за полтора века до их появления на свет. Человека, который не сумел удержать баланс между общественным благом и личными амбициями, в результате чего поменял высокое положение заместителя министра обороны на незавидный статус плавающего в грязном канале куска мертвечины, их разговор уже не касался. О нем просто забыли, как забывают о пришедшем в окончательную негодность и выброшенном на помойку предмете. Он выполнил возложенную на него задачу; анализ его личных качеств и поведения показал, что для дальнейшего использования он непригоден, и его списали в расход, подобрав достойную замену. Говорить о нем теперь стало так же бессмысленно, как обсуждать прошлогоднюю погоду; он стал частью прошлого, а помыслы стоявших на мостике людей были устремлены в будущее, которое они твердо намеревались сделать светлым – по крайней мере, для себя.

Солнце поднималось все выше, ощутимо пригревая сквозь одежду, кроны деревьев становились зеленее, прямо на глазах теряя прозрачность, и казалось – вернее, так оно и было, – что эти два процесса тесно связаны между собой. Установить связь между набирающим силу солнечным светом и распускающимся березовым листком сумеет любой школьник, если только он не умственно отсталый. В социуме, как и в природе, все взаимосвязано; здесь тоже не бывает следствий без причин, но проследить связи между ними порою очень нелегко. Двое на мостике это умели. Более того, они могли не только отыскивать ниточки, с помощью которых управляются происходящие в мире процессы, и прослеживать их от начала до конца. Они еще умели собственноручно протягивать эти ниточки и своевременно за них дергать, направляя неповоротливую громадину государственной машины в нужную сторону.

Не покладая рук, они трудились на благо общества, которое в понимании этих людей было неотделимо от их личного блага.

– А симпатичное здесь местечко, – с благодушным видом поглядывая по сторонам, сменил тему разговора Андрей Родионович Пермяков. – Тихое, зеленое, уютное...

– Да. И укромное к тому же, – не раздумывая, добавил Иван Сергеевич Буров.

Он хорошо изучил своего старшего партнера и давно усвоил, что тот никогда и ничего не говорит просто так, ради удовольствия послушать собственный голос. Восторг Андрея Родионовича по поводу окружающего их вполне себе обыкновенного ландшафта, несомненно, имел скрытый, сугубо практический, утилитарный смысл, и Иван Сергеевич, кажется, догадывался, какой именно.

– Узнай, кто хозяин, – сказал Пермяков, и в его голосе теперь явственно угадывалась холодная сталь не подлежащего обсуждению приказа. – Нужно выработать предложение, от которого он не сможет отказаться. А я потолкую с Казначеем. Хватит уже нам общаться с призраками, пора встретиться, так сказать, во плоти.

– А не рано? – забеспокоился Буров.

– Главное, чтобы не стало поздно, – ответил Андрей Родионович и, бросив прощальный взгляд на нелепое сооружение с мачтами и бушпритом, торчащее у дальнего берега пруда, неторопливо зашагал к выходу из парка.

Глава 5

Они неторопливо шли по набережной – пожилой, строго и со вкусом одетый господин с обильно посеребренной сединой шевелюрой и когда-то очень красивым, а ныне постаревшим, но не утратившим значительности лицом, и высокий темноволосый мужчина лет сорока с чем-то, в демократичных джинсах и спортивной курточке и дорогих очках с дымчатыми стеклами. Ничем не затененное солнце пригревало, как в мае, заставляя ослепительно сверкать золотых орлов на кремлевских башнях и заметные издалека купола храма Христа Спасителя, вид которых с некоторых пор вызывал двусмысленные ассоциации со скандалом, учиненным соплячками из «Пусси Райт» и усугубленным людоедской позицией некоторых церковных деятелей в отношении небезызвестного события.

Река, на противоположном берегу которой высились краснокирпичные стены и башни Кремля, тоже сверкала под солнцем потоком жидкого золота. По набережной, создавая ровный шумовой фон и отравляя атмосферу, сновали автомобили, по гранитному парапету, насмешливо косясь на упрямо и безнадежно торчащих на берегу с удочками чудаков, неторопливо и вальяжно прогуливалась крупная серая ворона.

– Значит, дело генерала Шиханцова закрыто, – полуутвердительно произнес пожилой господин и переложил из правой руки в левую потрепанный матерчатый портфель, как будто тот был для него слишком тяжел.

– Окончательно и бесповоротно, – подтвердил его рослый спутник, привычным движением поправив очки. – И именно так, как вы просили: чисто, без признаков насильственной смерти. Хотя, если бы мне предоставили выбор...

– Но тебе его не предоставили, – немного резче, чем хотел, перебил пожилой. – Если бы... Если бы у бабушки росла борода, она была бы дедушкой!

– Насколько я помню, речь в этой поговорке шла вовсе не о бороде, – заметил владелец темных очков. – В чем дело, Федор Филиппович? Приказ командования выполнен, а вы опять чем-то недовольны, иначе вас не повело бы сыпать перлами казарменного остроумия...

Генерал Потапчук сердито, совсем по-стариковски пожевал губами. Владевшие им тревога и раздражение требовали выхода, и Глеб Сиверов был, пожалуй, единственным человеком, в присутствии которого Федор Филиппович мог хотя бы изредка и отчасти позволить себе такую роскошь, как откровенность.

– Приказ командования... – проворчал он. – Он мне сразу не понравился, этот приказ. И теперь не нравится, причем чем дальше, тем больше.

– Даже теперь? – удивился Слепой.

– Именно теперь, когда дело, как говорят ирландцы, сделано и не может быть переделано. Меня не оставляет ощущение, что кто-то опять загреб жар нашими, твоими и моими, руками.

– Эка невидаль! – пренебрежительно воскликнул Глеб. – Можно подумать, вы раньше не знали, что наша служба заключается преимущественно в том, чтобы таскать для других каштаны из огня. Стыдно быть таким наивным, товарищ генерал! В вашем-то возрасте, при вашем уровне информированности... Не припомню ни одной войны, которую затеяли бы солдаты. Потому что, если инициатива в развязывании военных действий исходит не с самого что ни есть верха, эти действия называются иначе: восстание, бунт, мятеж... В самом крайнем случае, если принимают особо крупные масштабы – гражданская война.

– Не заговаривай мне зубы, – прервал его философствования генерал. – Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

– Поскольку сам имею в виду примерно то же самое и испытываю те же ощущения, что и вы, – сдавшись, согласился Слепой. – Дельце, которое мы с вами провернули, скверно попахивает. Отстрел коррупционеров, согласитесь, довольно спорный метод борьбы с коррупцией.

И даже в тех случаях, когда по человеку пуля плачет, для достижения желаемого эффекта казнить его следует публично, чтоб другим неповадно было. А так, из-за угла, тайком... По моему, ему просто заткнули рот, чтоб не сболтнул лишнего, когда потянут на цугундер.

– Несомненно, – рассеянно согласился генерал. – Но я говорю о другом. О том, что наша с тобой работа, чем дальше, тем больше смахивает на Сизифов труд. И даже не Сизифов, а просто мартышкин. Вспомни хотя бы прошлогоднюю историю с танковым полигоном. Началось с мелочи, со странного, почти анекдотического казуса – с нападения ископаемого немецкого «тигра» на захолустный райцентр. Ты блестяще распутал это дело, фактически, инициировав расследование крупных финансовых махинаций в «Оборон-сервисе» и отставку Сердюкова.

– Да, – горделиво напыжившись, подтвердил Сиверов, – я такой!

– И к чему это привело? – не принял предложенный подчиненным шуточный тон генерал. – Только по официальной статистике количество коррупционных преступлений в армии за последний год выросло в шесть раз. И это – несмотря на назначение министром обороны Шойгу.

– Ну, я бы сказал не «несмотря», а «благодаря», – возразил Глеб. – Если преступление попало в статистику, значит, его раскрыли. Или, как минимум, зарегистрировали. То есть не скрыли, как это делалось раньше, а признали его существование.

– Все равно, – отмахнулся Федор Филиппович, – чем больше усилий прилагается к тому, чтобы навести порядок, тем скорее все разваливается. И я в последнее время начал все чаще задумываться над тем, почему это происходит. Ведь все работают, и все, вроде бы, устроено правильно: воришка боится полицейского, полицейский – своего начальника, тот – прокурора... Прокурору тоже не улыбается быть пойманным за руку на взятке или ином нарушении закона, и даже генерал ФСБ не гарантирован от служебного расследования. Да, система во многом порочна, чем и объясняется ее малая эффективность. Проще и удобнее быть как все, давать на лапу и принимать откаты, чем плыть против течения. Ты отлично меня знаешь, знаешь, что я все последние годы только тем и занят, что выпалываю с поля сорную траву. А ее все больше и больше, и она все злее и злее, и на смену сволочи, которую ты шлепнул по моему приказу, почему-то всегда приходит либо слизняк, пустое место, либо совсем уже фантастический негодяй. И не было случая, чтобы освобожденное нашими с тобой стараниями место занял по-настоящему дельный, а главное, честный человек.

– Шойгу, – напомнил Глеб.

Федор Филиппович скептически пожал плечами.

– Коррупция и воровство в армии растут не по дням, а по часам, – сказал он. – Что бы ты ни говорил, а дело тут не только в том, что эти факты перестали замалчивать. Их реально становится больше. Это напоминает распространение эпидемии. Даже если принять честность и высокие деловые качества нового министра обороны за не подлежащую сомнению и проверке аксиому, при таких темпах он долго не продержится. Он будет полностью дискредитирован и заклеен как крестный отец коррупционной мафии в погонах. А ты не хуже меня знаешь, чей это выдвигенец, и по чьему рейтингу его падение ударит сильнее всего.

– С каких это пор вас начали заботить чьи-то рейтинги? – удивился Глеб. – Политики приходят и уходят, а Россия остается...

– И с каждой сменой власти ее все сильнее лихорадит, – добавил генерал. – Если больного воспалением легких упорно и целенаправленно лечить, скажем, от поноса, результат вполне предсказуем: летальный исход. Это-то меня и беспокоит, если хочешь знать.

– С таким прогнозом не поспоришь, – усмехнулся Слепой. – И что же, вы всерьез полагаете, что кто-то лечит Россию не от того, чем она больна? Лечит, как вы выразились, упорно и целенаправленно?

Генерал сердито дернул щекой.

– Я считаю... – начал он, но тут же поправился: – Мне кажется, что прямо у меня под носом некто ведет планомерную подрывную деятельность в масштабах целой страны.

Глаза у Глеба слипались после бессонной ночи, а челюсти, напротив, буквально раздирала едва сдерживаемая зевота. Он совсем уже, было, собрался прекратить бессмысленное сопротивление и все-таки зевнуть в кулак, но последнее заявление генерала заставило его мгновенно забыть об этом намерении.

– Никогда не любил слово «кажется», – подумав, осторожно сообщил он. – Но в данном контексте оно прозвучало, как бальзам на душу. Вы, товарищ генерал, попробуйте переkreститься – глядишь, все и пройдет.

Мимо, басовито рокоча упрятым ниже ватерлинии движком и стеля по мутной изжелта-зеленой воде сизый дымок дизельного выхлопа, прошел вверх по течению прогулочный катер. С верхней палубы несколько раз сверкнула яркая даже при солнечном свете белая вспышка не отключенного каким-то растяпой-туристом фотографического блица. Следуя укоренившейся привычке избегать случайных попаданий в кадр, Глеб повернулся к катеру затылком – лучше поздно, чем никогда.

– Тебе бы только зубоскалить, – вздохнул Федор Филиппович. – Как тому популярному комику, который все время рассуждает со сцены о широкой, но лишенной направляющего вектора русской натуре и живом, но неупорядоченном, неотформатированном, как он выражается, сознании. Вам бы дуэтом выступать, то-то ладно бы выходило! Что ни возьми, куда ни глянь, всему виной русская расхлябанность и дурошлепство. Реформа образования у всех на глазах превращается в дорогостоящий глупый фарс – что вы хотите, это ж Россия! Известные деятели искусства и культуры на глазах у всей страны затевают кухонные свары, а телевидение сладострастно транслирует этот позор во всех омерзительных подробностях – чем не забава для народа? Коммунальное хозяйство разваливается тем интенсивнее, чем больше усилий и бюджетных средств тратится на его восстановление, эстрадные артисты побеждают на губернаторских выборах, в Государственной Думе правит бал злобный клоун, который так и норовит придать матерной брани статус второго государственного языка, об армии я уже не говорю, поскольку и так сказал предостаточно... И все это объясняется исключительно особенностями национального менталитета да тяжким наследием коммунистического прошлого... Так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.